

Д. Б. Прусаков

ДОДИНАСТИЧЕСКИЙ ЕГИПЕТ

ЛОДКА У ИСТОКОВ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Университет Дмитрия Пожарского

Дмитрий Прусаков

**Додинастический Египет.
Лодка у истоков цивилизации**

«Русский фонд содействия образованию и науке»

2015

УДК 94(32)
ББК 63

Прусаков Д. Б.

Додинастический Египет. Лодка у истоков цивилизации /
Д. Б. Прусаков — «Русский фонд содействия образованию
и науке», 2015

ISBN 978-5-91244-142-4

Первобытная петроглифика Верхнего Египта включает, как одну из генеральных тем, многочисленные граффити больших «диловинных» ладей, подавляющая часть которых находится в десятках километров от Нила, на полпути по безводным скалистым вади Восточной пустыни к Красному морю. Характерная форма судов, с высоко загнутыми вверх носом и кормой, породила «непримиримые» академические версии их если не физического, предполагающего иноземное вторжение, то художественного заимствования из Месопотамии, или принадлежности аборигенной культово-изобразительной традиции, стоявшей за каноническим обликом и иконографией «священной барки» фараонов и их богов. При этом у всех такого рода научных гипотез-альтернатив есть объединяющее начало: априорное отрицание исследователями даже малейшей вероятности того, что высеченные на камне в глубине пустыни «корабли» когда-то действительно ходили здешними с древности и по сей день наиважнейшими для Египта после Реки путями. Между тем очевидно, что отличавшиеся обширными водосборами верхнеегипетские восточные вади, чьи скальные ложа прославились доисторическими рисунками как отдельных ладей, так и целых флотилий, являются руслами пересохших притоков, впадавших в Нил на прошлых этапах увлажнения глобального и североафриканского климата. Не отразился ли подобный этап (так называемый большой атлантический оптимум голоцена, последняя треть V – первая треть IV тыс. до н. э.) в «лодочных» петроглифах фараоновской предыстории? И если запечатленные на скалах, каменных глыбах

и артефактах нильского бассейна древнейшие суда были не химерой «онейроидного» сознания, а приметой повседневной жизни доисторических художников, то приобретает особый смысл разговор о соответствующих судовых конструкциях и материалах, которые, возможно, послужат одним из решающих археологических ключей к актуальным проблемам гидрологии «Страны Большого Хапи» в преддверии ее цивилизации. Книга предназначена для историков, студентов исторических специальностей и читателей, интересующихся ранними государствами, а также древними технологиями и техникой.

УДК 94(32)

ББК 63

ISBN 978-5-91244-142-4

© Прусаков Д. Б., 2015

© Русский фонд содействия
образованию и науке, 2015

Содержание

Введение	7
Глава 1	13
Ханс Винклер и его первобытные «цивилизации»	13
Лодки доисторических рисовальщиков: «многообразие типов»	21
Хитросплетения хронологии и типологии	27
Нюансы иконографии	36
Лодки доисторических рисовальщиков: «многообразие типов» (окончание)	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Д.Б. Прусаков

Додинастический Египет.

Лодка у истоков цивилизации

*Светлой памяти моего научного руководителя в аспирантуре
Института востоковедения РАН доктора философских наук Эдуарда
Сальмановича Кульпина-Губайдуллина (1939–2015)*

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
УНИВЕРСИТЕТ ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

Печатается по решению Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского

Научные рецензенты:
к. иск. М.А. Чегодаев,
д. и.н. А.Е. Демидчик

Введение

«The Upper Egyptian desert is a country known only to a very few» [461].

В начале 1887 г. 33-летний английский археолог Уильям Мэтью Флиндерс Питри обследовал отрезок верхнеегипетской долины Нила в районе Асуана, копируя древние граффити, которыми «кишели» окружающие утесы. Среди сотен наскальных надписей и изображений времен фараонов он наблюдал примитивные рисунки лодок, появившиеся здесь, по его квалифицированному допущению, «задолго до всех известных нам памятников Египта». Питри не придал этим дописанным художествам особого значения, даже не поместив их прорисовки в свою «отчетную» публикацию [351]. И впрямь, что необычного в лодках, какими бы старинными они ни были, на берегу реки? Иное дело – пирамиды Гизы, 80-футовый гранитный колосс Рамсеса II в Тайнее или «фаюмские портреты»... Будущий сэръ Флиндерс Питри [415] тогда едва ли догадывался, что приоткрыл новый горизонт египетской археологии, «отцом» которой его впоследствии нарекут признательные соотечественники [178 и др.].

Спустя двадцать лет другой молодой англичанин, Артур Вейгалл, исполнявший обязанности главного инспектора древностей Верхнего Египта в Луксоре и регулярно выезжавший в Восточную пустыню, решил осмотреть небольшой, но чрезвычайно богатый крашеными рельефами «пещерный» храм XIX династии в Вади Аббад, которое образует устьевый участок крупной системы сухих русел Вади Баррамия, впадающей в правобережную долину Нила. Святилище вырубили в скальной толще по повелению фараона Сети I, отца Рамсеса II Великого, «на благо проходивших там рудокопов с различных золотых приисков неподалеку от Красного моря», чтобы они могли «возносить молитвы богам пустыни», прежде всего ее покровителю Мину. Этот памятник – «жемчужина прошлого», «один из наиболее хорошо сохранившихся египетских храмов», – был открыт для европейцев в 1816 г. французским путешественником-естествоиспытателем Фредериком Кайо и до Вейгалла, по его словам и к его искреннему удивлению, посещался всего двумя египтологами: К. Р. Лепсиусом и В. С. Голенищевым. Из иностранцев за почти столетие еще только «несколько горных инженеров и старателей видели святиню, но так как они обезобразили ее стены своими автографами, можно лишь пожалеть о том, что и им не сиделось дома» [461].

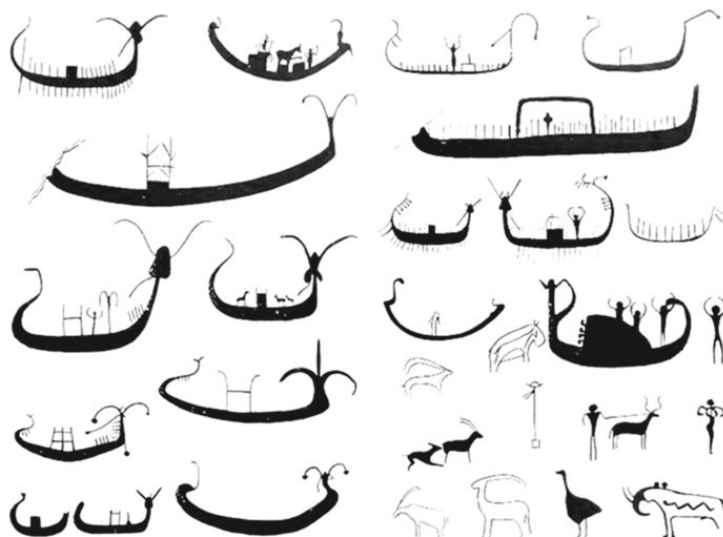

Рис. 1. Лодки Вади Аббад. Доисторические петроглифы

Здесь, в полузабытом пустынном уголке почти в 60 км от Нила на гладких поверхностях отвесной скалы, приютившей храм, и двух ее массивных обломках вблизи устроенного под ней колодца¹ Вейгалл обнаружил «очень много выпцарапанных или выдолбленных рисунков, вне всякого сомнения принадлежащих архаической и даже доисторической эпохе». Среди них заметно выделяются «многочисленные изображения странных ладей», которые он добросовестно перерисовал чернилами, а потом напечатал (рис. 1), хотя в целом проявил к этому феномену интереса не больше, чем Питри к первобытным петроглифам лодок у Асуана, посвятив ему менее страницы своих в остальном довольно подробных, изобилующих художественными описаниями мемуаров [461]. Пусть Вейгалл, проживший в Египте около десяти лет, и стяжал у современников репутацию египтолога инспекционной активностью, участием в археологических раскопках и публикациями соответствующего профиля [230], практический и «промышленный» ум этого истинного британца, похоже, куда сильнее занимали географическое положение и остаточный ресурсный потенциал древних каменоломен и, особенно, золотых выработок, состояние ведущих к ним через пустыню дорог и здешние перспективы автомобильного транспорта, действующие колодцы и удобные места для биваков и т. и. Что до его научных концепций, то, например, древнеегипетские золотоносные жилы он считал «копиями царя Соломона», а верхнеегипетскую Восточную пустыню – библейской страной Офир², откуда иудейскому самодержцу, согласно 3-й книге Царств (9: 26–28), доставили на корабле Красным морем 420 талантов золота. Однако Вейгалл не связывал рисунки загадочных судов на «золотых» сухопутных маршрутах Египта ни с иноземными гостями, ни с нильскими речниками. При этом его вовсе не смущало столь удаленное развитие доисторическими камнерезами «навигационной» темы как от моря, так и от Нила; для Вейгалла лодки в глубине «Красной земли» априори не имели ничего общего с реальностью, а были чисто культовым явлением: «священными барками, которые в древности составляли такую существенную часть египетского религиозного церемониала». Конкретно, он видел в них атрибут нарождающегося поклонения Мину, богу плодородия и берегателю путей и странников в Восточной пустыне, обосновывая свою догадку наличием на одной из петроглифических ладей у храма в Вади Аббад антропоморфной фигуры с «поднятым цепом» [461].

На первый взгляд, неверие не только Вейгалла, но и ряда позднейших исследователей в некогда физическое присутствие в египетских восточных вади лодок «диковинной» формы, увековеченных петроглифами как рассмотренного, так и открытых в дальнейшем скоплений, имеет полное оправдание: «Жара в пустыне сильнейшая, в колодцах не всегда хватает воды. Скалы настолько горячи, что до них нельзя дотронуться голыми руками, а ботинки дают лишь слабую защиту ступням. Находясь на солнцепеке, лучше снять с пальца кольцо, иначе раскаленный металл сожжет кожу до волдырей» и т. п. [461]. Безводное каменное пекло – и вдруг какие-то лодки?

С другой стороны, по свидетельству того же Вейгалла, в его времена в этих местах с их труднопереносимыми зноем и сушью удачливому охотнику удавалось добыть газель. Совсем недавно английский египтолог Тоби Уилкинсон писал о «на удивление обильной растительности» в отдельных восточных вади, где его экспедиция однажды спугнула своими внедорожниками небольшое стадо газелей [470]. Путешествующие по Верхнему Египту в наши дни авторы рассказывают о случающихся там грозах с градом «с куриное яйцо»

¹ Возможно, того самого спасительного для людей водного источника на «злосчастной дороге» в пустыне, рытье которого восславляет храмовая надпись от 9-го года царствования Сети I [226].

² Специалисты помещали ее «на побережье Индийского океана в районе Африканского рога или на побережье Аравийского полуострова» [6].

и о бушующих потоках, возникающих в ущельях после выпадения ливневых осадков [392]. Утонуть в североафриканских вади – актуальная опасность для людей и животных, застигнутых в них редкими, но обладающими огромной силой дождями Сахары [9]. Рисунки слона и гиппопотама рядом с лодками на скалах Вади Аббад напоминают о том, что на известном этапе дофараоновского прошлого, когда, вероятно, они и были сделаны, климат нынешней аридной и гипераридной Восточной пустыни отличался весьма высокой и устойчивой влажностью [19; 40]. Да и собственно ее протяженные вади являются не чем иным, как пересохшими руслами древних рек, впадавших в Нил, а значит, объективный исследователь не только вправе, но и обязан предусмотреть хотя бы гипотетическую возможность существования в их бассейнах столь же древних плавсредств, запечатленных здесь не в исключительно магическом или культовом качестве (хотя огульно отвергать подобные трактовки я бы тоже не стал [ср. 22]), а еще и как «иллюстрация» самой что ни на есть повседневной действительности.

Рис. 2. Лодки долины Нила. Роспись доисторической керамики

Для сравнения, вскоре после находки лодок в петроглифическом исполнении у Асуана Флиндерс Питри и, сразу же за ним, Жак де Морган раскопали множество их специфических начертаний красителем на керамических горшках в верхнеегипетских доисторических могильниках Нагады, Балласа и Абидоса (рис. 2) [326; 367], и никто не оспаривал казавшуюся всем очевидной мысль, что такие многовесельные суда когда-то ходили по Нилу, а не были фантазией или галлюцинацией первобытных художников, творивших на его берегах. Единственное связанное с лодками данного типа недоразумение состояло в том, что поначалу некоторые ученые сочли их «укрепленными жилищами», «фортами», «хуторами» или «храмами» [433]; в частности, на заре российской египтологии это утверждал В. М. Викентьев [7] и допускал Б. А. Тураев [54]. Когда же оно аргументированно разрешилось, и сторонников «архитектурной» версии почти не осталось, вниманием археологов и искусствоведов завладела бросающаяся в глаза графически-стилистическая «развилка»: ладьи, рисунки которых преобладали в долине Нила, украшая прежде всего расписную керамику, очертаниями корпуса принципиально отличались от «кораблей пустыни», изображенных на скале у святилища Сети I в Вади Аббад и, как показали дальнейшие аналогичные находки, господствовавших в доисторической петроглифике бывших нильских восточных притоков. Едва ли такое территориальное размежевание судовых форм – а по сути, конструкций – могло быть случайным и при условии, что первые «художники наблюдали на реке собственными глазами», вторые же были вымышленными образами, «определенно связанными с потусторонним миром» [479], и, особенно, при условии реальности тех и других. Неизбежно возникали вопросы «культурно-антропологического» взаимоотношения и уточненной датировки рисунков лодок на Ниле и в удаленных от него вади. Наконец, главенствующие в ранних петроглифах южной Восточной пустыни кораблеподобные ладьи, нетипичные для дофараоновского долинного Египта, способствовали рождению и поныне живой палеоэтнографической теории его завоевания некоей «прогрессивной» заморской «расой», резко развернувшей здешний племенной мир к государству и цивилизации. Новая проблема ждала своих аналитиков.

* * *

Для удобства читателя, далекого от узкоакадемических нюансов темы этой книги, коснусь основ археологической хронологии древнейшего Египта. Истории фараонов (конец IV – вторая половина I тыс. до н. э.) в современной египтологической «доктрине» и терминологии предшествует *додинастический* период. По давней научной традиции, идущей от английских археологов Гая Брайтона и Гертруды Кэтон-Томпсон [122] и получившей датировочные ориентиры благодаря последующим радиоуглеродным измерениям [233; 234; 253], он открывается верхнеегипетской неолитической культурой Бадари [36], которая происходила из не установленного пока географического очага и имела тенденцию к распространению в долине Нила выше Асиута, возможно, с доступом к Красному морю по вади (тогда рекам?) Восточной пустыни между 4500 и 3700/3600 или, строже, в 4400–4000 гг. до н. э. [40].

Бадарийскую культуру в Верхнем Египте, по-видимому, постепенно заменила, если не произросла из нее, поздненеолитическая амратская, названная так Флиндерсом Питри по комплексу древних могильников ал-Амры в окрестностях Абидоса, где вели раскопки его ученики [382]. За ней уже в порядке «революционных» новаций следовала технологически качественно продвинутая энеолитическая культура, которую Питри назвал герзейской, вероятно, чтобы само имя, заимствованное у небольшого додинастического кладбища ал-Герзы близ Мейдума [368], напоминало о ее глубоком проникновении в пределы Нижнего Египта, т. е. о демографическом, торгово-хозяйственном и общественном сдвиге к будущему государственному образованию «Обеих Земель» от Дельты до первых нильских порогов. Между герзейской и начальной династической «эрами» Питри выделил особый период, стадийными отличиями которого являлись «прибыль (изделий из) меди» и «письменность», назвав его семайнским «в честь» местечка ас-Семайна в районе Кены и подчеркнув, что это именно временной отрезок, лишенный самостоятельных культурно-археологических признаков [365].

Не обладая техническими средствами даже отдаленного подступа к абсолютной календарной хронологии дофараоновского Египта и в меру своих знаний ее домысливая³, Питри разработал оригинальный метод сравнительной датировки, основанный на тщательной систематизации керамики из отобранных им 900 додинастических верхнеегипетских захоронений Нагады, Балласа, Абадия и Ху, каждое из которых содержало не менее пяти разноклассных сосудов, с учетом ее теста, формы, цвета, орнамента и т. п.; «корректность результатов» проверялась сопутствующим погребальным инвентарем: «каменными вазами, шиферными палетками, кремневыми орудиями и т. д.» [352; 355; см. также 292]. Отследив и просчитав распределение по указанным могилам свыше 700 разновидностей глиняной посуды, разбитой им на 9 классов («черноверхая» *B-ware*, «крестолинейная» *C-ware*, «черная с резным орнаментом», или «нубийская» *N-ware*, «с волнистыми ручками» *W-ware*, «расписная» *D-ware* и др.), Питри построил шкалу «последовательных дат» S. D. («Sequence Dating»), которую затем наложил на распознанные им археологические «эры». Поскольку он предвидел находки более раннего времени (каковые вскоре успешно предъявят научному миру Брайтон и Кэтон-Томпсон, открыв бадарийцев), нулю его относительной шкалы соответствовала «дата» S. D. 30, она же – нижняя хронологическая граница амратской культуры, когда, как он потом напишет, «бадарийская со всей очевидностью пошла на убыль», и на

³ Так, амратский, герзейский и семайнский периоды он датировал, соответственно, 6500–5500, 5500–4800 и 4800–4300 гг. до н. э. [365].

верхнеегипетском Ниле появились «дикари, не имевшие ничего, кроме скудных гончарных изделий» [365].

Если не вдаваться в разночтения предварительных версий, амратскому периоду у Флиндерса Питри в общем виде отвечает интервал S. D. 30–40, герзейскому – S. D. 41–60, семайнскому – S. D. 61–78. Позже ученый отделит «датами» S. D. 77–78 так называемую «нулевую» династию, зародившуюся якобы на волне вторжения в долинный Египет «новой расы»; «дата» S. D. 79 будет им увязана с основателем I династии Аха (Мином), S. D. 80 – с царем той же династии Джетом, S. D. 81 – с царицей Мернейт, которую Питри считал его преемницей, S. D. 82 – с царем поздней I династии Семерхетом, S. D. 83 – с царем ранней II династии Ранебом, S. D. 84 – с царем той же династии Перибсеном, S. D. 85 – с царем Хасехемуи, завершившим II династию; «дата» S. D. 86, отмечающая начало III династии фараонов, прервет относительную хронологическую линейку Питри в ее полной авторской редакции [369].

Датировочная модель «отца египетской археологии» неоднократно критиковалась уже его современниками, хотя ни они, ни дальнейшие поколения специалистов вплоть до наших дней не призывали совершенно от нее отказаться, ограничиваясь лишь посильными корректировками этой «архаичной периодизации» [459]. Немецкий египтолог Александр Шарф, например, констатировал неудовлетворительную «работу» «последовательных дат», выведенных на базе керамики доисторических могильников Верхнего Египта, применительно к родственному археологическому материалу севера страны [402]⁴. Он, а за ним немецко-английский эксперт по египетской предыстории Элиза Баумгартель, немало потрудившаяся над неописанными и неопубликованными находками Питри [93], ввели для «его» части додинастического периода дополнительную и ставшую классической номинацию «Нагада» по названию древнего верхнеегипетского поселения и известнейшего местоположения раскопок [44], дав амратской и герзейской культурам альтернативные наименования, соответственно, Нагада I и Нагада II и распространив последнюю на семайнский «внекультурный» интервал, что, по сути, отрицало его идею как таковую [91; 403; ср. 278; 280]. Наиболее же признанной и часто встречающейся сегодня в специальной литературе «ревизией» относительной хронологии Флиндерса Питри, на самом деле ее скорее подтверждающей, является система «стадий» («Stufen») немецкого египтолога Вернера Кайзера, привлечшего для своей реконструкции публикацию археологически хорошо изученного и задокументированного доисторического кладбища в Арманте [320] и уделившего особое внимание, наряду с положением керамики в ямах, пространственному распределению («горизонтальной стратификации») захоронений разных времен по территориям могильников [274]. Согласно этой хронологической модели, послебадарийский додинастический период делится на крупнейшие отрезки Нагада I, практически тождественный амратскому, Нагада II, почти совпадающий с герзейским, и Нагада III, аналог семайнского, получивший и другое, закрепившееся в науке название – *протодинастический*, отданный «нулевым» династиям египетских правителей [63]; «культуры» Нагада I–III, в свою очередь, подразделяются на «стадии» Ia-c, Pa-d2 и Sha1-b2 [277], причем «стадия» Pa с ее «крестолинейной» керамикой *C-ware* (см. ниже) по данному признаку может быть смещена в позднеамратскую «эру» Питри [142], куда некоторые археологи, руководствуясь в том числе радиоуглеродными датировками, относили и кайзеровскую «стадию» ПБ [235; ср. 243; 290].

За протодинастическим периодом в египтологической традиции следует *архаический* [189], охватывающий I и II фараоновские династии⁵, или, по другой версии, *раннединастический*, в таком случае, как правило, вбирающий в себя еще и III «дом» [468]. Прибегая к

⁴ В Нижнем Египте додинастика представлена самобытной энеолитической культурой Буто-Маади [42].

⁵ Реже именуется Ранним царством, ср. [8; 28; 38].

классическим и древним текстам, в частности, фиксирующим гелиакические восходы Сириуса на Ниле, американский египтолог Уильям Хэйс вычислял «точную» дату воцарения I династии: 3119 или 3089 г. до н. э. [241]; другие «текстовики» выводили некие вероятностные хронологические рамки начала архаики: 3100–2900 гг. до н. э. [342; 434]. Выдающийся русский египтолог О. Д. Берлев, также опиравшийся на письменные источники, помещал основателя III династии Джосера в первую половину XXVIII в. до н. э. [3].

Для верификации подобных гуманитарных выкладок были крайне желательны независимые инструментальные датировки, при этом опыты с соответствующими египетскими древностями разработчика радиоуглеродного метода американского физикохимика Уилларда Либби редко учитывались даже осведомленными о них историками вследствие неприемлемо большой погрешности: так, полученная им для «великолепной сохранности» образца акации из гробницы Джосера в Саккаре средняя некалиброванная дата составила 3979 ± 350 ^{14}C л. н. [75; 302], что равносильно календарному разбросу между 2920 и 1985 г. до н. э.⁶ Датировка Либби волосяного и кожного материала, относимого археологами к периоду Нагада, дала в среднем столь же «размытый» результат 5395 ± 300 ^{14}C л. и. [300; 301], т. е. ок. 4520–3850 гг. до н. э., который к тому же в свете сегодняшних хронологических реконструкций подошел бы разве что бадарийской культуре. Известный английский археолог арабского происхождения Фехри Хассан по позднейшей усовершенствованной, с погрешностями на порядок ниже, радиометрии древнейших поселений (именно они, а не могильники, до поры «поставляли» львиную долю египетских ^{14}C -дат) калибровал «свой» додинастический период в границах 4000–3050 гг. до н. э. [235]. Первый подвергнутый систематическому (до сотни образцов растительных остатков, человеческих волос, фрагментов тканей и др.) и при этом особо точному радиоуглеродному датированию с использованием ускорительного масс-спектрометра доисторический «некрополь» N7000 у Нага ад-Дейр в Верхнем Египте [308] обнаружил для керамических классов Флиндерса Питри календарные пределы ок. 3800–3090 гг. до н. э. [396; 397].

Еще несколько калиброванных «реперов» от современной египетской археологии: последнему представителю I династии Каа ставится в приблизительное соответствие датировочный маркер 2920–2910 гг. до н. э. [220], ее основателю Аха – 2955–2925 гг. до н. э., «Скорпиону» из «нулевой» династии – ок. 3150 г. до н. э. [105]. Сказанного достаточно, чтобы свободно ориентироваться в культурно-хронологической канве нижеследующего повествования.

⁶ О способе «переформатирования» радиоуглеродных лет в календарные здесь и далее см. во введении к кн. [40].

Глава 1

В поисках элементарных конструкций

*«...it seems easier to say
what early craft would not have been
rather than what they were» [267].*

Ханс Винклер и его первобытные «цивилизации»

Петроглифическую лодочную «армаду» каменистых вад египетской Восточной пустыни первым попытался систематизировать сегодня мало кому известный немецкий этнолог и антрополог Ханс Александр Винклер [477–479]. В профессиональном обращении к наскальным граффити удаленного от Нила немногочисленного региона, от которых «никто не ждал важной археологической информации», он имел, не считая А. Вейгалла, хотя и единичных, но поголовно заслуженных или выдающихся предшественников, вошедших в анналы мировой египтологии: пруссака К. Р. Лепсиуса [299], русского В. С. Голенищева [11], англичанина Ф. Грина [225], француза П. Монтэ [154]. Однако лишь Винклер в 1936–1937 гг. открыл и задокументировал около полусотни местонахождений доисторических петроглифов в Верхнем Египте «между Кеной и Асуаном», главным же образом «вдоль трассы Куфт – Косейр и в примыкающих вад», включая, как одно из основных, юго-восточное направление на бывший грекоримский красноморский порт Беренику. Выбор физико-географического района для своих стартовых полевых исследований ученый логично объяснял тем, что «путь от Нила к Красному морю здесь кратчайший, и через пустыню ведет древняя дорога с водными источниками» [479]⁷.

У рассматриваемого района есть и другая существенная особенность. Он образован двумя крупнейшими в этой полосе Сахары системами пересохших речных русел: Вад Хаммамат и Вад Баррамия. В целом Восточная пустыня покрывает 222000 км², или ок. 22 % территории Египта. Суммарная водосборная площадь здешних бесчисленных вад составляет 147820 км², или 66,6 % поверхности пустыни и ок. 15 % территории страны. Эти сухие русла, разделенные невысоким горным хребтом Этбая и короткой частью спускающиеся к красноморскому побережью, своей основной сетью (105580 км² ≈ 71,4 %) устремлены к Нилу Из слагающих ее весьма разветвленных «индивидуальных» водосборов обширностью бассейнов резко выделяются ал-Хаммамат площадью 7700 км², с устьем близ Коптоса, и соприкасающийся с ним северными «ветвями» ал-Баррамия площадью 6900 км², с устьем напротив Эдфу [321]. По этим артериям через водораздел Этбая и пролегали одни из древнейших, наименее протяженных (всего ок. 160 и 200 км по параллелям 26 и 25 град. с. ш.) и самых обеспеченных естественными питьевыми ресурсами сквозных маршрутов, связывавших долину Нила с Красным морем, на которых остались следы человеческих стоянок и погребений по крайней мере уже ранненеолитической верхнеегипетской культуры Бадари [162; 388].

⁷ Путешествовавший там же Вейгалл сообщал, что через каждые два-три дня ему удавалось разбивать лагерь «у ключа с чистой водой», которой можно было напоить верблюдов и наполнить опустевшие фляги; иногда поблизости встречались бедуины, пасущие «маленькие стада» коз [461].

Карта 1. Египетско-нижнениубийский Нил: основные археологические памятники и населенные пункты, рассматриваемые и упоминаемые в книге

Карта 2. Основной ореол «лодочных» петроглифов в Восточной пустыне Египта

Едва ли случайно, что именно в данном сегменте Восточной пустыни (см. карты) наблюдается максимальная плотность наскальных надписей и изображений с глубочайшей древности до наших дней, среди них в 65-100 км от Реки, словно некая художественная аномалия на этой безводной натуре камня и песка – уникальная территориальная концентрация знакомых нам загадочных первобытных петроглифов, акцентирующих огромные ладьи с высокими, перпендикулярными корпусу краями. Подобно графическим аналогам, зафиксированным Вейгаллом у святилища Сети I в Вади Аббад, своей еще большей «отчужденностью» от Главного Нила они вновь и вновь возвращают к мысли о его исчезнувших притоках, когда-то сбегавших с «Красноморских холмов». Чрезвычайная геоморфологическая развитость Вади Хаммамат и Вади Баррамия подталкивает к умозаключению, что в голоценовые периоды глобального увлажнения климата и избытка атмосферных осадков в египетском нильском бассейне прежде всего именно они являлись вместилищами полноценных рек со стабильным стоком дождевого и грунтового питания. В раскидистых руслах Вади Хаммамат, причем как в складках рельефа, сохраняющих дневную тень и особенно удобных для отдыха людей, так и на открытых палящему солнцу участках Винклер обнаружил не менее двадцати четырех «лодочных» сюжетов разного содержания, в том числе гигантское наскальное панно на широко разрекламированной теперь «стоянке 26» в приточном вади Абу-Васил⁸, где во множестве изображены большие и малые ладьи со стоящими на них антропоморфными колоссами, охотники с луками, антилопы, гиппопотамы, страусы, собаки, рогатый скот и др. [479]. Позднее немецкие археологи Вальтер Реш и, по его следам, Геральд Фукс нашли целый ряд скал с похожими картинками в Вади Баррамия [207; 389]. Даже скоротечные автомобильные поездки в Восточную пустыню Тоби Уилкинсона сопровождались новыми находками петроглифических композиций, включающих лодки и относящихся к дофараоновскому времени, среди которых выделяется сцена в Вади Баррамия с внушительной флотилией из полутора десятков судов [470]. Приумножение изобразительного материала такого рода стало возможным также благодаря поисковым проектам нескольких энтузиастов вроде Дэвида Рола⁹, начинавшимся как любительские, но оказавшимся в результате бесполезными для развития археологического знания и отчасти востребованными наукой [167; 200].

С точки зрения Винклера, ранние наскальные рисунки «на всех континентах» характеризуются той степенью графического и тематического («животные и люди») примитивизма, которая придает им «общемировое» сходство, еще не позволяя говорить о выработанных особых, безошибочно узнаваемых художественных стилях, например, «династического Египта, античной Греции или Китая». Тем удивительнее показалось ему присутствие в египетской первобытной петроглифике лодок, к тому же в таком массовом количестве, которое до того он встречал только в Скандинавии с ее предопределенной самой природой мореплавательной культурной составляющей. В очертаниях ладей Восточной пустыни исследователь различил «специфические формы», послужившие ему основанием для версии, созвучной выдвинутой Флиндерсом Питри теории «цивилизующего» завоевания предфараоновского Египта «новой расой»¹⁰, что часть древнейших верхнеегипетских петроглифов оставлена не коренными обитателями до- и раннединастической долины Нила и ее окрестностей, а народом иноземного – «заморского» происхождения [479].

⁸ См., например: <http://eastern-desert.com> (доступ в августе 2011 г.).

⁹ Для справки, Д. Рол, в молодости рок-музыкант и студийный звукооператор, впоследствии обучался в Университетском колледже Лондона, где в 40-летнем возрасте получил степень бакалавра гуманитарных наук в области древней истории и египтологии. Автор книги «Legend: The Genesis of Civilization» (L., 1998), переведенной на русский язык под названием «Генезис цивилизации. Откуда мы произошли» (М., 2003), в которой выступает как неотеоретик моноцентризма. У западных специалистов пользуется репутацией дилетанта, см. [244].

¹⁰ См. в публикациях Питри начиная с [367].

«Материал, собранный со скал» экспедициями Винклера, в целом демонстрирует хронологический разброс «от современности до предыстории», включая (не считая новейшие «автографы» дорожных рабочих, военных, туристов и т. и.) «надписи», «знаки» и «рисунки» арабские, коптские, латинские, греческие, набатейские, арамейские и, конечно же, египетские эпохи фараонов с их неповторимым «художественным каноном» в оформлении иероглифики, иератики и демотики. Однако абсолютное большинство найденных в Египте петроглифов лишено сопутствующих письмен и, хотя «не поддается точному датированию», по этому и ряду других внешних признаков (например, изображению «древней» влаголюбивой фауны) «явно старше»: рассуждая так, Винклер устанавливал их принадлежность четырем протоэтническим группам, которые он называл «доисторическими культурами» и даже «цивилизациями» [479].

Первыми в этой племенной череде описательно у него фигурируют «горцы-автохтоны», идентифицированные им как «хамиты» – предки всех последующих жителей Западной и Восточной пустынь Египта. Согласно Винклеру, они населяли «степи и горы, окаймляющие Нил», на протяжении нескольких тысячелетий, «возможно, вплоть до династических времен». По его трактовке рисунков, то были охотники, уже приручившие крупный рогатый скот и пришедшие в здешние края «очень рано», когда в Египте «выпадало достаточно дождей, чтобы обеспечить кормом жирафа и слона», и эти прожорливые фитофаги, к которым нужно добавить носорога, еще водились в нынешних пустынях вокруг Нила, служа первобытным «художникам» добычей и повседневной живой натурой. Именно данной «цивилизации» Винклер приписывал львиную долю петроглифов, обнаруженных им на территории Египта, подчеркивая такое свойство этого самого длительного изобразительного пласта, как полное отсутствие батальных сцен при том, что «горцы», судя по их охотничьим сюжетам, располагали эффективным метательным оружием: большим двояковыгнутым луком «в форме цифры 3». Главное же, «для этих людей судоходство не имело никакого значения», и «лишь однажды (быть может, дважды)» они ассоциируемы на наскальных рисунках с «серповидной лодкой», но в подобных случаях (примечательная деталь, зафиксированная Винклером) рядом уже нет «животных, любящих воду», в том числе столь типичных для древнего Египта речных обитателей, как крокодил и гиппопотам [479]. При всей бесспорной археологической неокончателности таких «зримых» свидетельств они, не будучи опровергнуты дополнительным петроглифическим материалом, теоретически могут только подтверждать мысль, что винклеровы «горцы-автохтоны» не были непосредственно связаны с упоминавшимися выше огромными ладьями с задранными носом и кормой в удаленных от Нила «глубинах» Вади Хаммамат и Баррамии, а сами эти ладьи в тамошней доисторической наскальной изобразительности потеряли актуальность на климатическом этапе «терминального» голоценового опустынивания страны за границами плодородной нильской долины, «после того, как Египет покинули жираф и слон».

Долговечным «горцам-автохтонам», по реконструкции Винклера, «какое-то время пришлось делить свою землю с двумя чужими народами». Один из них оставил в восточных и, несравнимо меньше, в западных вади («бросающаяся в глаза черта наскальных рисунков этих людей») петроглифы лодок, своим «серповидным» абрисом очень сходных с теми, которые изображались красителем по единому графическому стандарту на так называемой «декорированной» керамике (*D-ware* Флиндерса Питри) из герзейских могильников Египта. Руководствуясь столь определенной «главной связью», Винклер квалифицировал эту «цивилизацию» как «ранних обитателей долины Нила», которые «хорошо известны» благодаря раскопкам в ней додинастических памятников и могут по объему петроглифики претендовать на самостоятельную «волну вторжения» в Восточную пустыню, где они обнаруживают свое присутствие вплоть до фараоновской архаики. Здесь в пещерах и на склонах вади ими запечатлены эпизоды охоты с собакой и луком «в форме буквы С», с веревочной петлей на

крупных рогатых животных и гарпуном на гиппопотама. Изредка на их рисунках (предположительно, древнейших) еще попадаются слон и жираф; сцены войны не найдены. При этом, как для выходцев с великой Реки, едва ли когда-нибудь с ней порывавших, «лодки для них имели большое значение», и Винклер даже настаивал на ритуальном смысле по крайней мере некоторых из их петроглифов, в первую очередь тех, где на лодках или в другой обстановке изображены антропоморфные фигуры в «молитвенной» позе, с поднятыми «особым жестом» над головой руками.

Следует заострить внимание на теме лодочного волока, которая несколько раз наблюдалась Винклером в дистанцированной от Нила петроглифике этого народа [479]: данный сюжет, как бы предвещающий один из мотивов художественной отделки гробниц и погребальной утвари эпохи фараонов (божества, тянущие на веревке священную ладью Ра), ученые наиболее убежденно толковали в контексте первобытного оформления «классических» древнеегипетских культов, в частности, заупокойного и солнечного [470], – но если допустить, что за такого рода «изобразительно-мифологическими архетипами» все же кроется реальный мир египетской предыстории, то, возможно, наметится дополнительный подход к прояснению его природно-климатического характера в пространстве и во времени, ибо волок представим только там и тогда, где и когда водные пути прерываются или пересыхают [41]. Забегая вперед, отмечу, что лодки в сценах волока на скалах Восточной пустыни разительно отличаются от «серповидных» в орнаменте герзейской посуды *D-ware* высокими «переломленными» краями (ср. рис. 59 и 62), и это, вероятно, свидетельствует о той или иной причастности «ранних обитателей долины Нила» Винклера к «загнутым прямоугольником» большим петроглифическим ладьям из Вади Хаммамат и Вади Баррамия, относящимся к сложнейшим и интереснейшим археологическим проблемам египетской «Красной земли».

Ладьи подобного типа Винклер считал визитной карточкой второго установленного им по «почерку» рисунков народа, временно соседствовавшего с «горцами-автохтонами», который он назвал «восточными захватчиками». Их петроглифы встречаются «по всей Восточной пустыне»¹¹ и не найдены в Западной, если не причислять к ней левобережные «утесы около Нила», будто «богатая нильская долина» и была настоящей целью «завоевания». Эта «цивилизация» на территории Египта охотилась уже известными нам средствами, с простым луком «в форме буквы С» и арканом, ее рисунки наполняет обычная для первобытности местная фауна, знакомая исследователям по художествам «соседних» племен: слон, жираф, гиппопотам, ибекс, антилопа, дикий осел, страус, крупный рогатый скот, собака и др. «Судоходство» для нее было «важно не меньше, чем для ранних обитателей долины Нила». Вместе с тем Винклер разглядел в ней «общность, резко выделяющуюся из народов, представленных петроглифами Верхнего Египта». Примета внешнего облика «захватчиков» – одно или несколько перьев на голове, но главное их отличие в том, что «они связаны с лодкой прямоугольной формы, чужеродной Египту» (курсив мой. – Д. П.) [479].

Рис. 3. Лодки египетской Восточной пустыни. Доисторические петроглифы

¹¹ Явный авторский крен к «литературности» повествования в ущерб его научной точности: имеются в виду прежде всего, конечно же, верхнеегипетские вадии с кратчайшими выходами к Красному морю.

Изображения этих «иноземных» ладей Винклер оценивал как вершину своих археологических изысканий в египетских пустынях. «Их корпус ровный; нос и корма загнуты вверх под прямым углом»; многие имеют «команды, обозначенные маленькими штрихами и показывающие, что эти лодки были достаточно велики для перевозки значительного количества людей», уточню, в «штрихах» исчисляющихся десятками. Нередко над такими лодочными экипажами, существенно превосходя их ростом, возвышаются «капитаны» с вытянутой вперед рукой, словно указывающие направление плавания (рис. 3, слева; рис. 28). Проанализировав соответствующие петроглифы, Винклер заключил, что «захватчики» хорошо умели обращаться со своими судами и управлять ими: «Они, без сомнения, знали корабельное дело – были моряками» [479]. Однако на вопрос, откуда эти люди явились в Египет, внятного ответа у ученых как не было, так и нет.

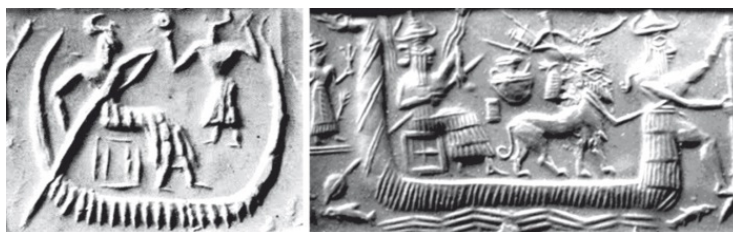

Рис. 4. Лодки Месопотамии. Оттиски цилиндрических печатей

«Они пришли с Красного моря», выстраивал цепь рассуждений Винклер, вернее, из-за него, откуда-то «между Египтом и Месопотамией», возможно, «из Персидского залива» или еще более дальних мест, а то и «из неизвестной прародины» последовательно в Двуречье и на берега Нила. Их ладьи «с высокими вертикальными носом и кормой» весьма походили на судовой тип древней Месопотамии (рис. 4) и рассматривались как одно из доказательств ее культурного влияния на протодинастический Египет. Но и здесь наука увязала в противоречиях, вплоть до взаимоисключающих положений. Так, по едва ли не общепризнанной диффузионистами версии, организующее «месопотамское проникновение» в долину Нила произошло «довольно внезапно, непосредственно перед выдвижением египетских династий». С другой стороны, Винклер, установив для себя, что лодка «иноземного типа» посещала Египет только «в позднедодинастическое и раннединастическое время», на тех же страницах утверждал, что «связанный» с этой лодкой «народ Красного моря» появился в Восточной пустыне уже «в эпоху слона и жирафа». Между тем и сам Винклер, и прочие исследователи египетской петроглифики относили доисторические изображения слонов и жирафов к древнейшим в окрестностях долины Нила, в дополнение к палеоклиматическим доводам ссылаясь на оттенки патинации, которая по местам гравировки обоих животных обычно «настолько темна», что сливается с цветом скал, и археологи для разборчивой фотосъемки такого материала вынуждены прибегать к разного рода «техническим» ухищрениям, например, забеливать еле проступающие на поверхности камня рисунки пудрой [329]. В поисках выхода из этой фактологической ловушки Винклер постулировал, что «захватчики» все свое «чрезвычайно долгое» время пребывания в верхнеегипетской Восточной пустыне находились «в постоянном контакте с заморскими странами», образуя живой динамичный «канал», по которому достижения поднимающейся цивилизации Двуречья в нужный момент могли быть «стремительно перенесены» на Нил. При этом «мы, конечно, ничего не знаем» ни о расовой принадлежности и языке этих людей, ни о том, насколько «посреднический» статус приближал их к собственно «создателям» государства фараонов. Убедительности не слишком стройной, чтобы не сказать сомнительной, концепции оперативного вторжения в протодинастический Египет пришельцев-мореплавателей на диковинных «прямоуголь-

ных» кораблях, мне кажется, не прибавляет (если не служит полновесным контраргументом) и такое вышеупомянутое наблюдение Винклера, как присутствие судов того же типа на наскальных рисунках «ранних обитателей долины Нила». Давая этому «факту особой важности» простейшее умозрительное объяснение «взаимосвязью двух народов» [479], Винклер, однако, избегал вопроса, почему аналогичная межплеменная связь, олицетворенная теми же большими ладьями, не просматривается в количественно богатейшей петроглифике обитавших в той же «пустыне» и в те же времена «горцев-автохтонов»? Да и сам факт, что суда принципиально сходных корпусных очертаний и пропорций отражены в изобразительном творчестве, по Винклеру, народов физически разных земель и, добавлю, *вод*, один из которых проник в Восточную пустыню с моря, а другой с Реки, – не выходит ли он все же за рамки прямолинейно-тривиальных толкований?

Если «горцы-автохтоны», «ранние обитатели долины Нила» и «восточные захватчики» в археолого-искусствоведческой реконструкции Ханса Винклера имеют не этнокультурное, так хронологическое соприкосновение, то его четвертая «цивилизация» стоит особняком, отделенная от рассмотренных «разрывом во времени». Это «древнейшие охотники» Восточной и Западной пустынь (включая оазисы) и нильского поречья, они же – самые ранние высекатели египетских петроглифов, начинающихся с «каких-то спиралей и иных закрученных линий». Изображение человека для них «представляло мало интереса», зато слон и жираф «главенствовали в умах этих графиков» и были чрезвычайно распространены на их рисунках, преобладая над всей фауной, в отличие от художественного творчества «трех остальных культур», в котором оба травоядных гиганта встречаются «более или менее редко». Таков генеральный мотив помещения Винклером «древнейших охотников» в нижние (климатически сравнительно влажные) периоды его относительной датировочной шкалы, подобно тому, как петроглифический верблюд на скалах Нубии и Египта являлся для него хрономаркером блеммиев и арабов. Подтверждение доисторического старшинства «охотников» Винклер видел в максимально интенсивной патинации их петроглифов и в том, что везде, где он находил их рисунки в «суперпозиции» с другими, последние были выбиты или вырезаны «сверху». Впрочем, ему как археологу удалось нащупать в изобразительности этого народа, по меркам предварительных исследований египетской додинастики, уже почти точную датировку для материально-культурной привязки своих первобытных «цивилизаций»: обнаружив у «охотников» в Западной пустыне «между оазисами Харга и Дахла» и «между Армантом и Наг ал-Хамади» весьма специфические, «необычные» наскальные рисунки слона – с туловищем в линиях-«зигзагах» и ушами, одно из которых опущено, а второе торчит над головой, – Винклер указал на наличие у них аналогов в «орнаменте» амратских сосудов и палеток Верхнего Египта. «Отсюда мы можем сделать вывод, что “древнейшие охотники” жили до и во время амратцев» [479]. В сегодняшнем научном календарном выражении это равносильно периоду не позднее первой половины IV тыс. до н. э., когда, если вернуться к голоценовым колебаниям климата, еще не получила развитие катастрофическая для людей и животных аридизация Северной Африки, превратившая ее в Сахару, а Египет за пределами аллювиальной нильской долины – в «Красную землю» [см. 34]. Безусловно, «заслуживает внимания» отсутствие в петроглифике «охотников» осла и крупного рогатого скота, поскольку гипотетически оно отодвигает нижнюю хронологическую границу существования этих племен в несравнимо более глубокую, даже донеолитическую первобытность [ср. 40]. «Заслуживает внимания» и частота, с которой на их рисунках «в Восточной пустыне вдали от Нила» фигурирует крокодил, но не только потому, что она «доказывает» версию прошлой длительной жизни «древнейших охотников» «в близком контакте с рекой» и «предполагает» укоренение с тех пор этого пра-Себека в их «мифологии» [479]: «огромная важность» крокодила в ранней петроглифике верхнеегипетских восточных вадии может с не меньшей вероятностью свидетельствовать о синхронном естественном обводнении их ниль-

скими притоками, по датировке Винклера – на стадии амратской археологической культуры и ранее, в полном согласии с современными палеоклиматическими представлениями о глобальном увлажнении так называемого большого атлантического температурного оптимума последней трети V – первой трети IV тыс. до н. э. [17]. Тем примечательнее, что при такой акцентированной близости к речной воде и ее животному миру «древнейшие охотники» не оставили изображений лодки, как если бы это средство передвижения и жизнеобеспечения им, в отличие от позднейших доисторических обитателей нильского водосбора, было незнакомо. Дополнительных сведений немного: «охотники, никогда не появляющиеся со скотом», имели собаку и большой «С-образный» лук, причем лучников на их рисунках Винклер зафиксировал лишь дважды, и оба раза в сценах охоты на слона, из чего «мы должны заключить, что они пользовались отравленными стрелами». Откуда эти люди пришли на Нил и в его окрестности, неизвестно, но «похоже, что их след теряется в Египте» [479].

Итак, тяготевшее к «пустыням» разнородное население додинастического Египта в глазах Ханса Винклера отвечало следующей очередности. Открыли ее «древнейшие охотники», жившие «в очень отдаленные времена» и едва ли преодолевшие хронологический рубеж верхнеегипетской амратской культуры (Нагада I). После их исчезновения появились никак с ними не связанные «горцы-автохтоны», «возможно, гораздо раньше цивилизации второй Нагады (герзейской)». С «горцами» поначалу соседствовали «восточные захватчики», а позднее к тем и другим подселались «ранние обитатели долины Нила», датируемые «цивилизацией второй Нагады (герзейской) и раннединастическим временем» [479]. Из такой периодизации, как вариант, может вытекать, что ладья «заморских гостей» предшествовала на Ниле лодке «коренных» жителей его бассейна и даже послужила ей прототипом. Это созвучно положению, которое я постулировал, завершая предыдущую монографию: «изображенные на скалах Восточной пустыни многovesельные ладьи... должны быть *древнее* своих речных “аналогов”, представленных орнаментами отчасти амратской и, уже в массовом порядке, герзейской керамики» [40].

Продолжу исследование, посвятив настоящую его часть происхождению и «конструктивной эволюции» первобытной египетской лодки – на мой взгляд, еще не оцененного по достоинству «инструмента» изучения судьбоносных для фараоновской цивилизации изменений гидрологии постнеолитического Нила [ср. 37; 420; 421]. Подчеркну: я руководствуюсь рабочей установкой, что имею дело в первую очередь не с «абстрактно-художественными», а с «инженерно-техническими» объектами.

Лодки доисторических рисовальщиков: «многообразие типов»

На протяжении прошлого столетия всего несколько специалистов, опиравшихся, как и Винклер, на изобразительные памятники, предложили свои классификации древнейших лодок нильской долины и прилегающих пустынь [67; 144; 193]. За основу ученые брали гипотетическую конструкцию лодок, о которой судили почти исключительно по их петроглифическим и живописно-графическим очертаниям и деталям, а также предполагаемый конструкционный материал – речные осоковые и злаковые растения или древесину, чьим технологическим свойствам эти очертания и детали теоретически могли соответствовать.

Наверное, закономерно, что представленные разными авторами искусствоведческой специализации «ладейные типологии» существенно отличались друг от друга. Так, например, «развивая» наблюдения предшественников, со временем в изображениях лодок отыскивали и выделяли все больше «конструктивных нюансов», которые рассматривались как элементы или признаки самостоятельных, оригинальных изделий. Не было единства мнений и в вопросах о том, какие суда вязались из папируса, тростника или камыша, а какие имели деревянный – сборный (дощатый) или выдолбленный/выжженный из целого бревна корпус. Субъективность авторских подходов в данном случае была предопределена отсутствием в распоряжении исследователей археологических остатков непосредственно предмета классификации – самих первобытных ладей.

Мы уже заметили, что пионер этого научного направления Ханс Винклер изначально выделял *два*¹² (а не четыре, как иногда ошибочно пишут [438]) основных типа доисторических лодок, изображения которых были собраны им в экспедициях по пустыням Египта: изогнутые, «как дуга окружности», и прямокорпусные с «более-менее вертикальными», сильно вытянутыми носовым и кормовым штевнями. Первые он назвал «серповидными» («sickle-boats», рис. 5), вторые – «прямоугольными» («square-boats», рис. 6). Между этими техническими «противоположностями», отражавшими и конструкцией, и материалом «*две разные традиции судостроения*», исследователь различал якобы производные от них «переходные формы»: «вогнутые (incurved) серповидные», нос и корма которых тем или иным образом завернуты «внутри» лодки (рис. 7), и «вогнутые прямоугольные», у которых, при сравнительно вертикальном форштевне, ахтерштевень так или иначе искривлен в сторону корпуса (рис. 8) [479].

¹² «Two main types of boats are distinguishable» [479].

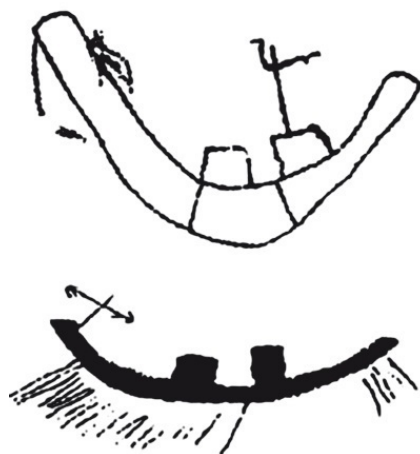

Рис. 5. «Серповидные» лодки Винклера

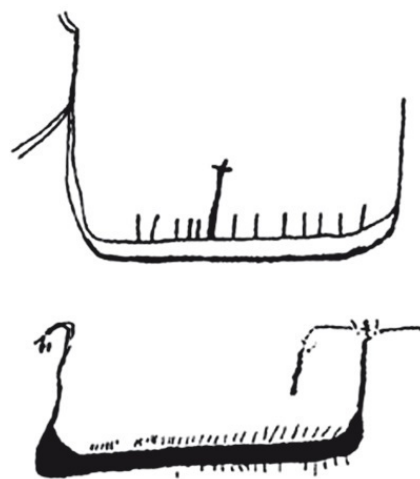

Рис. 6. «Прямоугольные» лодки Винклера

Рис. 7. «Вогнутые серповидные» лодки Винклера

Рис. 8. «Вогнутые прямоугольные» лодки Винклера

«Серповидную» конструкцию Винклер априори рассматривал как архаичнейшую на Ниле, полностью состоявшую из папирусных связок¹³. Уникальным хронологическим ориентиром здесь нам служит поддающийся относительной датировке аналог петроглифических «вогнутых серповидных» лодок, нарисованный углем на стенке красного керамического ящичка из додинастической могилы а41 в ал-Амре, Верхний Египет (рис. 9) [382]. Погребение датируется не позднее S. D. 36–41 по шкале Флиндерса Питри, т. е. концом амратского – самым началом герзейского периода, в календарном исчислении – примерно серединой IV тыс. до и. э.

Рис. 9. Рисунок лодки на доисторической керамике из ал-Амры

«Прямоугольная» конструкция, в представлении Винклера, имеет целую галерею разновидностей («derivations A, B, C, D, E, and F»), которые доминируют в доисторической «лодочной» петроглифике Восточной пустыни. Лодки этого типа «в их наиболее отточенных формах» он считал выдолбленными из дерева пирогами, к тому же, повторяю, восходящими к «восточным захватчикам», поскольку видел в их профилях близкое сходство с древними ладьями Месопотамии. Благодаря «различным изображениям» Винклер, конечно, знал, что месопотамские лодки вязались из камыша, но он не допускал саму возможность преодоления морей на камышовых судах! По его оригинальному толкованию данного противоречия,

¹³ Этот тезис позднее механически повторил Гордон Чайлд [148].

бунтовые лодки Тигра и Евфрата были «скопированы» с чьей-то «мореходной долбленки прямоугольных очертаний», после чего она же в «смешении элементов» с египетскими «серповидными» ладьями и, возможно, в ходе «расового перемешивания» породила «вогнутые прямоугольные» ладьи «ранних обитателей долины Нила»; при этом в Египте даже «некоторые правильные прямоугольные лодки, судя по неровности загнутых вверх носовых и кормовых законцовок корпуса и по их свисающим продолжениям на носу и корме, теперь делались не из дерева, а из гибкого материала, а именно, папируса» [479]. Однако, лишенный вещественной археологической аргументации, доказать свои судостроительные и этнодемографические теории Винклер не мог, поэтому вопрос о «высоконосых» деревянных пирогах, приплывших из-за моря с армиями на борту завоевывать Египет, остался открытым. Планировалась дальнейшая, более подробная публикация каталога найденных им петроглифов, но в октябре 1938 г. в Париже ушел из жизни богатый британский ученый-химик и любитель «всего египетского» Роберт Монд, один из меценатов египтологии, финансировавший поездки и публикации Винклера, чья научная деятельность без этой материальной поддержки практически прекратилась. Окончательный крест на ней поставила Вторая мировая война. 20 января (по другим сведениям, в марте) 1945 г. путешественник и исследователь, человек неровной судьбы, член сначала компартии Германии, а затем НСДАП, солдат вермахта Ханс Винклер погиб в бою под Торунем в Польше [272].

В своем главном труде, двухтомнике «Наскальные рисунки южного Верхнего Египта», Винклер обнаружил не более 40 % петроглифов, которые ему удалось найти, скопировать и сфотографировать в рамках «экспедиции сэра Роберта Монда» в Восточную и Западную (Ливийскую) пустыни, среди прочего – «большинство изображений лодок» в количестве ста одной репродукции [479]. Спустя почти полвека другой известный немецкий, чешского происхождения, специалист по наскальному искусству нильского бассейна, Павел Червичек, с разрешения лондонского Общества по изучению Египта заново проработал экспедиционные материалы – дневники, фотонегативы и цветные прорисовки – Винклера, опубликовав в виде кратких описаний и фрагментарных иллюстраций значительную часть не изданных предшественником петроглифических памятников [146]. При этом Червичек в своих «технико-технологических» реконструкциях пошел гораздо дальше Винклера: он распознавал не два и даже не четыре, а тридцать три типа ладей, когда-либо высекавшихся на скалах в первобытном и историческом Египте, из которых к до- и раннединастическому периодам относил одиннадцать.

Столь изрядное разнообразие в его систематизации проистекало из того, что Червичек принимал во внимание не только форму лодок, но и всевозможные детали их оснащения: весла, мачты, паруса, надстройки, украшения и т. и. Научно-исследовательская оправданность такого скрупулезного подхода, однако, сомнительна, и «пренебрежение» Винклера подобными «аксессуарами» едва ли случайно. При ближайшем «судомодельном» разборе создается впечатление, что предметно-экипировочная детализация, в той или иной мере применимая к лодкам всех корпусных типов, именно по этой причине *вторична* и лишь отвлекает нас от важнейших, качественных конструктивных особенностей, в которых, не исключено, кроется суть проблемы появления, эксплуатации и «сакрализации» лодок в додинастическом и фараоновском Египте.

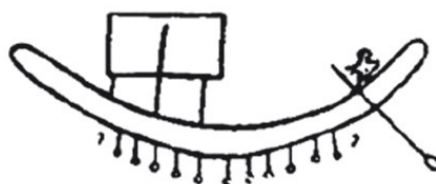

Рис. 10. «Тип 1» Червичека

Тип 1 по классификации Червичека – это ладьи с дугообразным корпусом и «бахромой» направленных вниз весел. На одной из них есть даже кормчий с рулевым веслом, а ближе к носу – прямоугольная «надстройка», изображающая не то парус (большая редкость для египетской доисторической лодочной иконографии), не то «каюту» (рис. 10). Так или иначе, вполне очевидно: если данное судно разоружить, избавив его от «вторичных признаков» снаряжения, то получится идеальная «серповидная» ладья Винклера, что не отрицал и сам Червичек [146].

Рис. 11. «Тип 1» Червичека и лодка из росписи доисторической «гробницы 100» в Иераконполе

К этому же типу он причислил лодку с корпусом малой кривизны, мачтой с горизонтальной реей (возможно, древнейшее в Египте изображение рангоута), но главное – с одним высоким штевнем (рис. 11, сверху). Такая лодка, казалось бы, даже отдаленно не напоминает винклерову «серповидную», одновременно не будучи и законченной «прямоугольной» конструкцией. Без оснастки она соответствует, скорее, типу 3 Червичека (см. далее), в известном смысле, действительно, представляя собой особый род ладьи, который у отдельных авторов фигурирует как разновидность «прямоугольного» судна. Лодка «конгруэнтного» профиля (по словам Питри, «иностранный» [365]) является одной из композиционных доминант знаменитой полихромной росписи так называемой «вождеской» «гробницы 100» из герзейского Иераконполя (рис. 11, внизу; рис. 22) [137; 345; 381].

Рис. 12. «Тип 2» Червичека

Тип 2 в «судовом реестре» Червичека – не что иное, как «прямоугольные» ладьи Винклера (рис. 12). Червичек гипотетически прослеживал их существование от неолитического амратского периода (Нагада I) до I династии фараонов включительно, правдоподобно полагая, что именно этот «генеральный» конструктивный тип стал прообразом детерминативов «священных барок» в староегипетской иероглифике, в частности, «Текстах Пирамид»¹⁴. Сами же «прямоугольные» лодки, по его мнению, до Старого царства «не дожили», хотя в специальной литературе встречалась противоположная точка зрения [67], да и реконструированная «божественная» ладья Хеопса [264] как будто бы опровергает такое допущение, копируя абрис большой «вогнутой прямоугольной» первобытной ладьи (рис. 3, справа; рис. 8, внизу).

¹⁴ См. знаки G₁₀ и P₃ в [210].

Хитросплетения хронологии и типологии

Что касается исторического возраста изобразительных объектов принильской петроглифики, инструментальная (радиоуглеродная и др.) датировка которой египтологам по сей день практически недоступна [ср. 258], заслуживает внимания следующее наблюдение Червичека. На изученных им петроглифических «палимпсестах», где имеет место наложение более поздних рисунков на ранние, «прямоугольные» ладьи никогда не наслаиваются поверх «серповидных», обнаруживаясь только «под» ними.

Данное заключение расходится с теоретическим тезисом Винклера о рекордной древности «серповидной» конструкции. Однако оно наталкивается на возражения ряда археологов, утверждавших с приведением конкретных дополнительных примеров, что на египетских петроглифических композициях лодочные «серпы» могут перекрываться изображениями судов любых прочих очертаний [67]. Как итог этих разногласий, «палимпсесты» в целом не устанавливают единую последовательность вырезывания на камне вокруг Нила лодок того или иного типа, откуда можно было бы вывести бесспорное суждение об относительной хронологии «прямоугольных» и «серповидных» конструкций.

С другой стороны, нужно учитывать, что Червичек ссылаясь на петроглифы восточных вадий Верхнего Египта, тогда как его оппоненты апеллировали к наскальным рисункам древней Нижней Нубии, т. е. египетской долины Нила выше 1-го порога (ныне затоплена водохранилищем Насер). Конечно, наблюдаемые «серийные» изображения одного лодочного типа «под» другими не являются убедительным доказательством его хронологического старшинства даже в рамках этих «серий», не говоря уже о петроглифической картине в масштабах страны. И все же, если в каких-то конкретных вадиях Восточной пустыни «прямоугольные» лодки при их изобразительном совмещении с «серповидными» всегда перекрыты последними, мы вправе предусмотреть *вероятность* того, что они и есть древнейшие зафиксированные *здесь* суда – региональный феномен, обусловленный специфическими социально-естественными факторами и обстоятельствами, которые еще предстоит выявить и осмыслить.

Датировка «прямоугольных» лодок-петроглифов пустыни начиная с амратского периода, к чему склонялся Червичек, удостоверяла бы, что они старше по крайней мере всех «серповидных» лодок-орнаментов, типичных для герзейской расписной («декорированной») керамики *D-ware* (рис. 13). В пользу этого косвенно свидетельствуют выцарапанные знаки, как принято считать [439], «прямоугольных» лодок на сосуде из амратской могилы 1471 в Нагаде (рис. 14) [367] и на черном верхом амратском (?) сосуде из малого Диосполя (рис. 15) [355]. Английский египтолог Тоби Уилкинсон, участник новейших экспедиций с целью поиска и изучения верхнеегипетских наскальных граффити, высказал убеждение, что лодки такой формы в амратский период не только представляли обычный петроглифический мотив некоторых вадий Восточной пустыни, но и были хорошо известны на Ниле [470]. Их появление на Реке уже в те времена, т. е. в первой половине IV тыс. до н. э., может подтвердить фрагмент выполненного белой краской рисунка «месопотамской» ладьи с высоким вертикальным форштевнем на черепке характерной амратской «крестолинейной» керамики *C-ware* из Мостагедды (рис. 16) [120; 280].

Рис. 13. «Лодочный» орнамент герзейской керамик

Рис. 14. Граффити лодки на амратском сосуде из Нагады

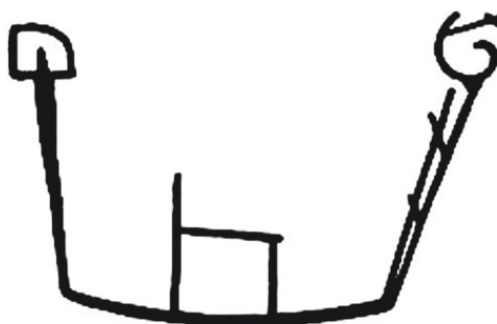

Рис. 15. Граффити лодки на доисторическом сосуде из малого Диосполя

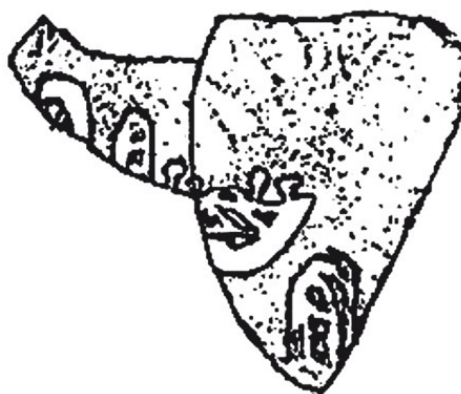

Рис. 16. Рисунок лодки на амратской керамике из Мостагедды

Рис. 17. Рисунок лодки на амратском блюде неустановленного происхождения

Та же керамика, однако, демонстрирует и полноценное изображение хорошо экипированной многovesельной «серповидной» лодки на богато расписанном блюде, хранящемся в Египетском музее Каира (рис. 17) [360]. Флиндерс Питри помещал это произведение искусства в относительный интервал S. D. 31–33, что соответствует началу амратского периода, т. е. раннему IV тыс. до н. э. На основании наблюдения, что вся совокупность запечатленных на нем символов или, скорее, североафриканских реалий влажной эпохи большого климатического оптимума голоцена [19; 40] – крупная ладья, антилопы, страусы, крокодил, гарпунированный гиппопотам и т. д., – тождественна доисторическому петроглифическому «микрокосму» Восточной пустыни, Уилкинсон датировал с раннеамратского времени и петроглифику египетских восточных вад. С учетом того, что в ее первобытных «горизонтах»¹⁵, как показал еще Винклер, господствуют, а где и присутствуют исключительно «прямоугольные» суда, наши скудные источники в целом позволяют сформулировать следующее предварительное допущение: древнейшие «прямоугольные» лодки, если они когда-то плавали по водам нильского бассейна, а не являлись плодом человеческого воображения – фантомами примитивного культа или «делирийного сознания» [см. 22], на ряде восточных притоков Нила оказались раньше «серповидных», по сути же, до какой-то поры были единственным тамошним судном. Собственно на египетском Ниле оба конструктивных типа впервые художественно зафиксированы в хронологических рамках одной археологической культуры (амратской = Нагада I), но, принимая во внимание ее как минимум трехсотлетнюю продолжительность, говорить об их синхронном здесь физическом появлении, по-видимому, не приходится. Вероятно, «прямоугольные» лодки и на Реке изначально были несколько старше, при этом их последующий параллелизм с «серповидными», засвидетельствованный до- и, возможно, раннединастическими изобразительными источниками, едва ли в точности отвечает понятию «сосуществование». Противоречивые данные о взаимоналожении, территориальном распределении и объектах нанесения изображений «прямоугольных» и «серповидных» ладей в Верхнем Египте и Нижней Нубии подталкивают к мысли, что ключ к проблеме происхождения и культурно-исторических перспектив двух конструкций не столько в абсолютном старшинстве той или иной из них (хотя этот вопрос чрезвычайно актуален и интересен), сколько в их особенных хронологических отношениях, имевших «переменно-смешанную» динамику.

¹⁵ Термин и «стратиграфическая единица» Червичека, предложившего «изохронологический» метод периодизации египетских и нубийских петроглифов, которые подразделялись на «горизонты» от А до F, с доисторической стадией А-В (культуры Бадари и Нагада вплоть до ранней архаики, или вторая половина V – конец IV тыс. до н. э.), см. [146].

За неосуществимостью радиометрии петроглифов, датировка гипотетических этапов производства и эксплуатации плавсредств различного типа в додинастическом Египте сегодня опирается прежде всего на изделия из долины Нила с ладейной тематикой и привязкой *in situ* к идентифицированным археологическим памятникам. Самыми ранними следами египетских лодок являются их маленькие, измеряемые сантиметрами примитивные модели из глины, найденные в общем количестве пяти-шести штук при раскопках поселений и могильников неолитических культур Меримде и Бадари [122; 240; 363], что указывает на V тыс. до н. э. [см. 40]. Для сравнения, древнейшая известная в Африке (и входящая в тройку самых древних в мире) лодка – полностью сохранившееся долбленое деревянное каноэ длиной ок. 8,5 м, обнаруженное в 1987 г. при рытье колодца у поселка Дуфуна в Нигерии, в бассейне озера Чад, с радиоуглеродными датами 7670 ± 110 и 7264 ± 55 ^{14}C л. н., или ок. 6606–6425 и 6169–6054 гг. до н. э. [114; 115].

Глиняные модели из бадарийских захоронений, редкие и малосопоставимые с позднейшими петроглифами и рисунками на керамике, дают слабое представление о лодочных конструкциях эпохи раннего неолита в долинном Египте. Только в поздненеолитический амратский период, как мы видели, здесь на отдельных бытовых или «магических» предметах появляются узнаваемые, вырезанные или выведенные краской, профили лодок обоих рассмотренных типов.

Для энеолитической герзейской культуры характерно преимущественное, массовое и даже стандартизированное изображение – обычно бурыми пигментами на светлоглиняной «декорированной» посуде, пережившей и заместившей амратскую «крестолинейную» керамику, – больших, основательно снаряженных и, вероятно, деревянных¹⁶ «серповидных» ладей (рис. 18). При этом их предшественница на каирском живописном блюде настолько родственна им своим корпусом-дугой с намечающимися рядами весел, двумя «каютами» и носовым «украшением», что вышеупомянутую относительную дату S. D. 31–33 Флиндерса Питри из «эволюционистских» соображений представляется резонным скорректировать, отнеся блюдо и, главное, изображенное на нем судно не к началу, а к концу амратского периода, ближе к середине IV тыс. до н. э.

Рис. 18. Нильская герзейская лодка

Сосуды с ладейным орнаментом, согласно Питри, отвечают относительной датировочной «последовательности» S. D. 40–63, достигая максимального распространения на отрезке S. D. 46–47 [355]¹⁷. Допустив соответствие «художественно-керамической» хронологии действительной речной эпопее крупной (до 60–70 весел!) «серповидной» ладьи в доисторическом Египте, постулируем, что эта грузоподъемная конструкция, имея уже амратский прото-

¹⁶ См. Главу 2.

¹⁷ В более поздней работе, однако, Питри пишет, что изображения лодок на сосудах начинают появляться ок. S. D. 45 [360].

тип, нашла самое широкое практическое применение в герзейской культуре, особенно на ее позднем этапе, и утратила господствующую роль в «революционизирующий» век протодинастики (Нагада III). Если тезис о первичности на египетском Ниле большой «прямоугольной» ладьи выдержит критику, то, развивая гипотезу, можно будет вести речь о вытеснении ее в герзейский период, или во второй половине IV тыс. до н. э., «серповидной», рядом с которой она как будто бы не фиксируется в нильской долине на протяжении нескольких столетий ни одним известным науке памятником.

«Прямоугольная» ладья в долине Нила вновь, причем весьма помпезно, заявляет о себе только в прото- и раннединастическое (архаическое) время. Тогда, на исходе IV тыс. до н. э., ее образ, подобно белой и красной коронам, становится важнейшим элементом иконографии и летописания первых фараонов, боровшихся за единоличную власть над Верхним и Нижним Египтом. Достаточно вспомнить резьбу на известняковой курительнице «нубийского правителя» из погребения L24 в Кустуле [472], рельеф *verso* иераконпольской «сланцевой» палетки Хора «Нармера» [379] или петроглифы в Гебель Шейх Сулейман, приписываемые Хору Джеру [190], не говоря уже об анналах Палермского камня, где иероглифическая формула регулярного плавания по стране («сопровождения») царей-Хоров *smsw Hr* детерминирована пришедшим из фараоновской архаики символом «священной барки» именно этого конструктивного типа [401]. Ближайшая ассоциация с обожествляемыми владыками Египта и причисление к знакам египетской «святописи» не оставляют сомнений в том, что изображения «прямоугольной» ладьи у самых истоков государства «Обеих Земель» имели для его основателей, помимо транспортного и военного, особый сакральный смысл.

Параллельно «серповидным» «прямоугольные» лодки протодинастического поколения запечатлены прежде всего на отдельных высокохудожественных, «престижных» артефактах, таких как резные костяные рукоятки тонко ретушированных кремневых ножей, появившихся в Египте, по оценкам археологов, на рубеже культур Нагада II/III [165; 315]. Взаимоотношение конструкций-«противоположностей» здесь варьируется от сдержанного пространственного размежевания, как на ножевом обломке, подаренном Метрополитен-музею Говардом Картером (рис. 19) [96; 474], до кровопролитного вооруженного конфликта, как на знаменитом ноже из Гебель ал-Арака (Лувр, E11517) [95], резьбу по рукояти которого неоднократно приводили в «доказательство» завоевания Египта иноземной «династической расой» (рис. 20) [440].

Рис. 19. Лодки в резьбе костяной рукоятки доисторического кремневого ножа неустовленного происхождения

Рис. 20. Лодки в резьбе костяной рукоятки доисторического кремневого ножа из Гебель-ал-Арака

Рис. 21. «Тип 3» Червичека

Как предварительный итог, древнейшую историю судоходства на египетском Ниле в IV тыс. до и. э., возможно, характеризовал своего рода эпохальный эволюционный цикл «прямоугольных» лодок от амратского неолита до государственной архайки («Раннего царства»), разделенный несколькими столетиями если не монополии, то господства принципиально иных, «серповидных» ладей герзейского энеолита, с которыми изобразительно (и, несомненно, в действительности) пересекалась специфическая «полупрямоугольная» конструкция.

Эта лодка – тип 3 по классификации Червичека, «с высоким носом и полностью отсутствующим кормовым брусом», или ахтерштевнем (рис. 21). Ученый, прибегая к якобы достоверно датированным изобразительным аналогам, теоретически очертил для нее эксплуатационный интервал от позднегерзейского до раннединастического периода включительно [144].

Рис. 22. Лодки росписи доисторической «гробницы 100» в Иераконполе

На выбор нижней хронологической границы здесь, очевидно, повлияли превалировавшие в науке историко-культурные привязки живописного сюжета с «полупрямоугольной» и пятью «серповидными» ладьями из иераконпольской додинастической «гробницы 100» (рис. 22), возраст которой, однако, специалистами так и не был окончательно согласован. Эту на сегодня единственную известную расписную гробницу египетского «вождя» (чей костяк не обнаружен, а сам склеп, разоренный в далеком прошлом, после извлечения уникальной фрески утрачен) археологи по фрагментарным находкам поначалу приурочили к ранней Нагаде III: в датировочной «последовательности» Питри, S. D. 63 или 65 [365]. Затем ее «переатрибуировали» поздней Нагадой II, даже с конкретными календарными датами «ок. 3400/3300 г. до н. э.» [291] или «ок. 3300 г. до н. э.» [390], сочтя такого рода «богатое» захоронение признаком прогрессирующей иерархизации первобытных племенных элит и предвестником «надчеловеческой» погребальной обрядности и, в целом, культа протодинастических царей [ср. 278]. В отдельных случаях датировку гробницы с осторожностью понижали примерно до середины герзейского периода (Нагада Пс в относительных «стадиях» Вернера Кайзера), пока «точная» наука решительно не посягнула на эти пределы.

Рис. 23. Лодка в резьбе костяного гребня с именем архаического царя Хора Джета

Резко диссонируя с принятыми теоретико-сопоставительными хронологическими схемами, радиоуглеродный анализ раковины пресноводного моллюска *Unio willcocksi* из «гробницы 100» в Иераконполе показал результат 5000 ± 90 ^{14}C л. н. [126], который в календарном выражении (3900/3855-3680/3665 гг. до н. э.) практически совпал с «хрестоматийными» датировочными рамками амратского неолита (ок. 3900–3600 гг. до н. э.) [459]. Конечно, радиометрии одного образца недостаточно, чтобы уверенно привязывать «полупрямоугольную» конструкцию еще и к амратскому периоду: те же окружающие ее на иераконпольской фреске большие «серповидные» ладьи «в стиле додинастической расписной керамики» [345] ассоциируются прежде всего с герзейской культурой. Пусть и как исключение или раритет среди «прямоугольных» лодок, типичных для «официальной» изобразительности и иероглифических писем фараоновской архаики, «полупрямоугольная» барка с сидящим на ней «божественным соколом» венчает резьбу костяного гребня с именем (<серехом>) царя I династии Хора Джета (рис. 23) [189].

С другой стороны, в современной научной литературе и академическом Интернете можно встретить «прогрессивную» версию додинастической хронологии Египта, согласно которой кайзеровская «стадия» Пс имеет нижнюю границу ок. 3650 г. до н. э. и соответствует не середине, как привычно считали [142], а началу герзейского периода [463]¹⁸. Однако, подчеркну, у Кайзера именно она обозначает важный археологический рубеж, на котором отвечающий предыдущей «стадии» Нагада ПБ геометрический орнамент расписной керамики *D-ware*, ключевого идентификатора герзейской культуры, уступает место художественным композициям, в том числе самым знаменитым из них сценам с многовесельными «серповидными» ладьями [459]. Таким образом, амратскому «керамическому» периоду Флиндерса Питри в реконструкции Кайзера безусловно тождественна, вплоть до слияния с ним, лишь «стадия» Нагада Па, характеризовавшаяся «крестолинейной» посудой *C-ware* [ср. 467]. Как бы то ни было, в подобных скорректированных датировочных координатах «абсолютно неегипетское, безошибочно месопотамское судно» [390] экзотического «полупрямоугольного» профиля на фреске «гробницы 100» если и не «выплывает» непосредственно из амратского культурно-исторического контекста, то все же не демонстрирует безнадежную от него оторванность, как в хронологических построениях Червичека и его единомышленников.

Рис. 24. Доисторический петроглиф лодки в Води ал-Фарас

Помимо редчайшего живописного воспроизведения на стене погребальной камеры в первобытном Иераконполе, «полупрямоугольная» лодка типа 3 в додинастическом Верхнем Египте зафиксирована рядом петроглифов. Так, в небольшом Вади ал-Фарас на левом берегу Нила несколькими километрами севернее Асуана, где в свое время проводил изыскания Винклер [479], на скальном взгорке и его обломках среди золотых песков запечатлены по крайней мере шесть лодок с укороченными или отсутствующими ахтерштевнями (рис. 24) [425; 426]. Их петроглифические профили длиной свыше метра, с многочисленными штрихами весел и/или схематических людских фигурок, с надстройками-«каютами» предполагают, что оригиналы были достаточно велики и сопоставимы размерами с весьма крупными ладьями иераконпольской фрески. Разница в том, что если на фреске «полупрямоугольная» лодка соседствует (взаимодействует или конфликтует – другой вопрос) с «серповидными», то в петроглифике Вади ал-Фарас «процессию» с ней составляет принципиально иная, эталонно «прямоугольная» конструкция (рис. 25).

¹⁸ См. также <http://home.comcast.net/~hebsed/Podzorski2.htm> (доступ в октябре 2012 г.).

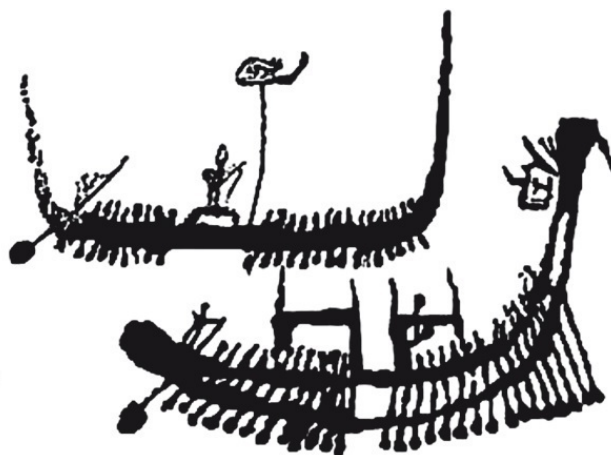

Рис. 25. Протодинастические (?) петроглифы лодок в Води ал-Фарас

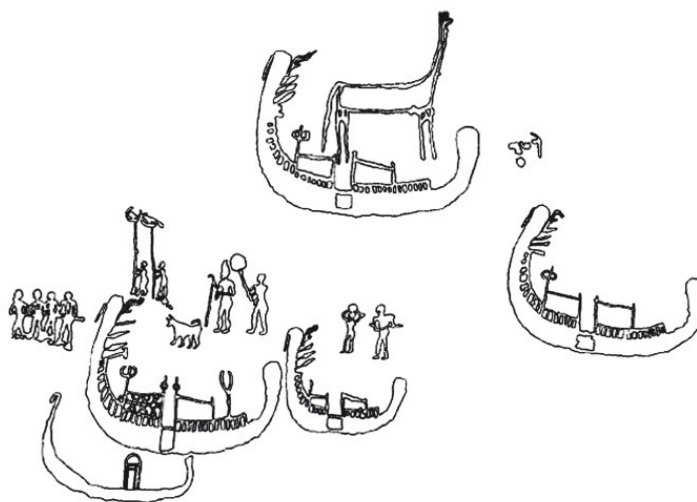

Рис. 26. Протодинастические (?) петроглифы лодок в Наг ал-Хомдулоб

Эти петроглифы, в отличие от «гробницы 100», не имеют даже единственной ориентировочной инструментальной даты. Археологи, в очередной раз вынужденно апеллируя к стилистически и «информационно» сходному изобразительному материалу, постулировали их принадлежность рубежу Нагада II/III, а то и раннединастическому периоду [426]. В частности, основанием для такого заключения стало петроглифическое панно, находящееся менее чем в километре к югу, близ местечка Наг ал-Хамдулаб, где, по мнению специалистов, рукой одного мастера высечена флотилия в пять «прямоугольных» лодок, сопровождающая человека с посохом и в высоком колпаке наподобие белой короны фараонов, эскортируемого двумя штандартоносцами и прислужником с опахалом, причем одну из лодок тянут четыре «бурлака» (рис. 26) [246]. В качестве генеральной версии, этого «асуанского царя» отнесли к концу «0-й династии» (Нагада III), а его петроглифы объявили ближайшими предшественниками или даже современниками резной булавы «Скорпиона». Более того, на «прямоугольной» ладье в Вадии ал-Фарас также разглядели «царя в белой короне», стоящего под штандартом. В итоге оба художественных комплекса (не в последнюю очередь из-за территориальной близости) ученые предложили рассматривать в общем информационно-смысловом контексте петроглифики района I-го нильского порога, а их «царей» – как, возможно, одного и того же персонажа [211; 247].

Нюансы иконографии

Руководствуясь методом художественных аналогий, принятым наукой как основной для датировки доисторического наскального искусства Египта [158], нельзя, однако, не заметить, что лодки «протофараонов» из окрестностей Асуана внешне, своим детально-усложненным рисунком отнюдь не идентичны тем, которые мы обычно видим на ранних царских памятниках. Курильницы из некрополя L в Кустуле, палетка «Нармера», нубийские граффити Джера (?)¹⁹ и другие «официальные» артефакты начальных династий демонстрируют лодку лаконичных очертаний, лишенную весел, украшений и иных дополнительных элементов, по сути, имитирующую прежде всего *профиль* «прямоугольного» судна (рис. 27). И если применительно к названным и другим подобным ремесленным изделиям можно возразить, что воспроизвести на них большую ладью во всех ее конструктивных и декоративных подробностях было немыслимо из-за нехватки места и опасности повреждения рабочих поверхностей сколами и трещинами, угрожавшими тонкой резьбе по камню, то в случае скалы с петроглифами Хора Джера этот довод непригоден: уж здесь-то критического недостатка площади для желаемого художественного воплощения жизненных реалий не существовало.

Рис. 27. Лодки протодинастических и архаических царей

Похоже, что изобразительные и текстовые памятники первичного генезиса государства фараонов отличала особая, максимально упрощенная иконография судна с загнутыми вверх штевнями, причем, предположительно, не возникшая «случайно», как произвольная альтернатива единообразию «серповидных» герзейских форм, а восходившая к старинным «прямоугольным» прототипам и имевшая под собой осознанный – «идеологический» выбор ее создателей.

Наиболее разительно от лодок этого «архаического стандарта» отличается многовесельная ладья из Вади ал-Фарас с пассажиром «в белой короне», которого археологи отождествляли с безымянным «асуанским царем», помещенным ими в протодинастический период Нагада III. Своей линейной и штриховой графикой (рис. 25) ближе всего она ассоциируется с петроглифкой «прямоугольных» ладей Восточной пустыни, как их представлял Винклер, принимавший такие «чужеземные» конструкции (рис. 6) за доказательство месопотамского морского вторжения в бассейн египетского Нила [479]. На ряде этих судов также присутствуют антропоморфные или человеческие фигуры в пышных головных уборах, однако здесь наблюдаются не шапки, а плюмажи, больше подходящие первобытным вождям (рис. 28). Если герои подобных мизансцен все же люди, а не какие-нибудь племенные прабожества (которые в Египте априори должны были иметь, хотя бы частично, звериный облик), то перья на голове почти наверняка устанавливают историческое старшинство их обладателей по отношению к петроглифическим «бигменам» Верхнего Египта, увенчанным на канонический манер фараонов.

¹⁹ Высказывались аргументы в пользу их принадлежности какому-то более древнему царю [328; 473].

Рис. 28. Доисторическая лодка Восточной пустыни (Вади Баррамийа)

Рис. 29. Лодки в резьбе протодинастической (?) каменной курильницы из Кустула и в доисторической петроглифике Восточной пустыни (Вади Абу-Васил)

Та же мысль возникает при сравнении одного из древнейших известных изображений «царя» в белой короне на резной курильнице из погребения L11 в нижненилском Кустуле [472] с петроглифом «вождя» в высоком плюмаже из восточного Вади Абу-Васил (рис. 29) [470]. Хотя оба лидера явлены нам в однотипных ладьях простейшего «прямоугольного» профиля, характерного для архаической иконографии, а «вождь» еще и вооружен булавой со сферическим или грушевидным навершием, которая символизировала всевластие фараонов и входила в иероглиф «тронного» имени «объединителя» [ср. 34] Египта Хора Аха, едва ли кому-то придет в голову поставить между столь разноликими «флотоводцами» знак хронологического и социально-политического равенства. Руководствуясь в том числе визуальным впечатлением, полагаю, что «вождь», как и другие похожие на него рослые петроглифические антропоморфы на «прямоугольных» лодках в восточных вади (рис. 30), древнее «царей» из Кустула в долине Нила. Археологи утверждали, что последние появились в Нижней Нубии «за шесть или семь поколений» до египетской I династии [473].

Рис. 30. Доисторическая лодка Восточной пустыни (Вади Абу-Васил)

В таком случае, пустынные «вожди»-судовладельцы должны быть отделены от нее несколько более, т. е. весьма, продолжительным временем. Например, Уилкинсон, ссылаясь

на современные палеоклиматические данные и фауну водоемов и влажных саванн, изображенную рядом с «прямоугольными» судами Восточной пустыни, датировал соответствующие петроглифы ранним IV тыс. до н. э. или, шире, периодом Нагада I с тогдашним, по-видимому, еще достаточно гумидным климатом рассматриваемой части нильского водосбора [470]. Выше говорилось о косвенных археологических признаках наличия в тот период «прямоугольных» лодок также в долине верхнеегипетского Нила (рис. 14–16). Именно такого рода амратские профили могли быть иконографическими прототипами «царских» лодок, запечатленных на художественных памятниках архаической территориальной сборки Египта.

Петроглиф в Вади ал-Фарас, однако, увековечил «царя в белой короне» на огромной «прямоугольной» ладье с множеством весел, которая, как я уже отметил, вызывает ближайшую ассоциацию не с раннединастическими артефактами нильской долины, а с наскальным искусством восточных вад. Если их доисторическая «лодочная» петроглифика гипотетически уходит корнями по крайней мере в амратский неолит, чему сегодня есть весомое палеоклиматическое обоснование, то персонаж в отличительном головном уборе фараонов как будто бы вступает в непримиримое противоречие с такой хронологической реконструкцией, побуждая исследователей «рефлекторно» датировать его не раньше протодинастики/архаики, куда «асуанский царь» и был определен археологами и египтологами [247; 426]. Штандарт на его судне, с одной стороны, согласуется с этой на первый взгляд безальтернативной точкой зрения, трактуемый как признак зарождения будущих административно-территориальных единиц – номов фараоновского и позднейшего доисламского Египта.

Рис. 31. Рельеф «красной короны» на фрагменте амратского чернотелого сосуда из Нагады

С другой стороны, штандарты разнообразной «геральдики» присутствовали уже в «серповидных» ладьях, которые появились в орнаменте египетской расписной посуды *D-ware* на «стадии» Нагада Пс Кайзера, т. е. в начале – середине герзейского периода или, по существующим календарным оценкам, во второй трети IV тыс. до н. э. (рис. 13, 18, 59) [459]. Мало того, древнейшее известное изображение предмета, похожего на фараоновский венец, принадлежит *амратской* культуре: фрагмент красно-коричневой чернотелой керамики *B-ware* из захоронения 1610 в Нагаде, которое Питри датировал интервалом S. D. 35–39 (Нагада Па по Кайзеру) [365; 367], демонстрирует рельефный абрис «красной короны» [447] традиционно понимаемой наукой как на фрагменте амратского символ царственного господства над Нижним чернотелого сосуда из Нагады Египтом (рис. 31) [ср. 391].

Рис. 32. Доисторические петроглифы мужчин в «красных коронах» в Вади Каиш

Дополнительно к этому, в Вади Каиш, части водосборного бассейна Вади Хаммамат в Восточной пустыне, на расстоянии 50–60 км от Нила Винклер нашел петроглифы двух мужских фигур в головных уборах наподобие «красных корон» и с крючковатыми посохами, как у «царя в белой короне» из Наг ал-Хамдулаб (рис. 32) [479]. Одна фигура имеет футляр для пениса, чем напомнила Уилкинсону мужские изображения на сосудах Нагады I [470]. Вторая, по наблюдению Беатрисы Мидан-Рейн, занята преследованием «крупных речных животных» (крокодилов и др.), на которых обычно охотились с лодки [316], что логично продолжить тезисами о сравнительно влажном климате, еще не иссякших нильских притоках в восточных вади и, соответственно, вероятной принадлежности всей этой сцены в глубине пустыни тому же амратскому периоду.

Рис. 33. Доисторический (?) петроглиф мужчины в «белой короне» в Вади Махамид

Хотя первобытные корни «белой короны» по аутентичным памятникам не прослеживаются даже в таком ограниченном ассортименте, археологическая тенденция к удревнению здесь также налицо. Когда-то первыми изображениями этой «верхнеегипетской» регалии считались артефакты «0-й династии», прежде всего найденные в Иераконполе навершие булавы «Скорпиона» и палетка «Нармера» [390]. Открытие близ Наг ал-Хамдулаб петроглифов «асуанского царя» дало специалистам основание несколько понизить ее хронологию в рамках протодинастики [246], а находка «царских» резных курительниц в погребениях Кустула позволила заговорить о ее функционировании уже за несколько поколений до известных науке архаических фараонов [473]. Наконец, фрагмент очень примитивной пет-

роглифической фигуры «царя» в треугольном колпаке на скалах Вади Махамид в районе ал-Каба (с Иераконполем на противоположном берегу Нила) склонил исследователей к согласию датировать данную «корону» (рис. 33) с одинаковой вероятностью архаикой и поздним додинастическим периодом [247]. Пусть более древние свидетельства пока не обнаружены или не признаны таковыми в авторитетных ученых кругах, теоретически ничто не мешает ожидать, что «белая корона» в итоге окажется ровесницей «красной», в частности, учитывая их историческое двуединство в короне

«Обеих Земель» фараоновского Египта. Вообще же, недостаточность археологической изученности и понимания хозяйственного, социального и территориально-«политического» уклада первобытной нильской долины (например, неумение объяснить, как головной убор, представленный в изобразительности додинастического Верхнего Египта и окрестных «пустынь», стал «нижнеегипетской» короной [80; 468 и др.]) сегодня вынуждает нас довольствоваться лишь *рабочими гипотезами* генезиса древнеегипетской цивилизации в его разнообразнейших аспектах, включая происхождение и развитие лодочного транспорта на Ниле.

С учетом изложенных соображений, не следует пока совсем отказываться от альтернатив «аксиоме», что петроглифический «царь в белой короне» на «прямоугольной» ладье из Вади ал-Фарас близ Асуана принадлежит непременно прото- или архаическим династиям, а не племенам или чифdomам предшествующих столетий. Если контрадикция *«архаический (раннединастический) царь в амратской лодке»*, как абсолютная историко-хронологическая бессмыслица, в полной мере выражает бесперспективность исследования в обозначенном направлении, то, например, непротиворечивый тезис *«архаичнейший царь (бигмен) в лодке древнейшего типа»* намечает выход из этого логического тупика. Лодочный рисунок идеально «прямоугольного» профиля с рядами гребцов и весел, имея амратские аналоги в петроглифике Восточной пустыни, мог бы послужить аргументом в пользу отнесения «царя» из Вади ал-Фарас к додинастической эпохе, ближе к временам того же «вождя» – владельца иераконпольской расписной «гробницы 100». На ее фреске, как мы помним, из флотилии стандартных «серповидных» лодок выделяется экзотическая «полупрямоугольная» (рис. 22), и она же, в петроглифическом виде, сопровождает «прямоугольную» ладью «асуанского царя» (рис. 25). Наблюдаемая изобразительная сопряженность ладей этих трех типов, хотя пока и не поддается выстраиванию в точно датированную последовательность, согласуется с мыслью о конструктивном родстве и даже эволюционной взаимосвязи судов, осваивавших на разных этапах доисторический Нил. Допуская, в силу приведенных выше доводов, что древнейшим из них являлась «прямоугольная» ладья амратского периода, «полупрямоугольную» конструкцию герзейского времени можно гипотетически рассматривать как ее производную, которая к тому же своим корпусом пусть малой, но зримо вырисовывающейся кривизны словно эволюционировала в сторону «серповидного» профиля. Так ли уж «слеп» был Червичек, отнесший одну из «полупрямоугольных» модификаций к типу 1 в предложенной им классификации ранних древнеегипетских лодок?

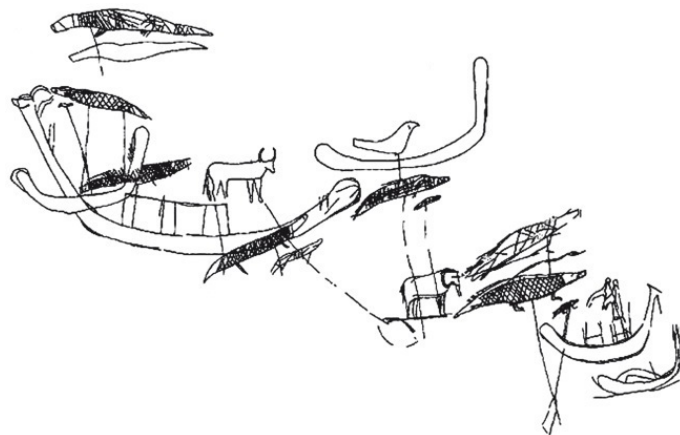
Другими словами, как версия, «прямоугольная» доисторическая ладья, плававшая по Нилу в начале или первой половине IV тыс. до н. э., позже поочередно потеряла ахтер- и форштевень, т. е., по сути, исчезла при сопутствующем появлении ко второй половине IV тыс. до н. э. «серповидной» лодочной конструкции. Вероятно, эта предполагаемая техническая метаморфоза, вписанная в хронологические рамки культуры Нагада II с поправкой на «стадии» Кайзера, сопровождалась освоением первобытными египетскими «кораблями» нового конструкционного материала, что специалистам подсказывали, помимо профилей как таковых, некоторые графические детали и нюансы изображений лодок разных типов на скалах, керамике и т. д. [441]²⁰. Возможно, воссоздаваемая здесь «кораблестроительная» кар-

²⁰ См. Главу 2.

тина отражала какие-то специфические демографические, общественные и хозяйственные процессы, происходившие в смешанном ареале «прямоугольных» («заморских», по Питри-Винклеру) и «серповидных» (бесспорно нильских) ладей, или в повседневной жизни людей на Реке, или *в природе самой Реки*, ибо конструкция (включая материал и размерения) судна так или иначе определяется *свойствами и состоянием воды*, по которой оно ходит.

Тем интереснее «венценосное» явление «прямоугольной» ладьи на художественно оформленных памятниках времен египетского протогосударства, от погребального инвентаря Кустула до вотивов Иераконполя и др. Ее тогдашнее «главенство» наглядно подтверждается остатками резьбы на ножевой рукоятке из Метрополитен-музея, где «фараон» (фигура в белой короне), словно попирая нижний ярус «серповидных» лодок, плывет над ними в подобии «вогнутой прямоугольной» (чей профиль по акхтерштейну здесь, вероятно, обусловлен стандартно скругленной законцовкой рукояток этой серии, см. рис. 19). «Прямоугольные» лодки аналогичного рисунка, вырезанные опять же регистром выше, по-видимому, наносят военное поражение «серповидным» в батальной композиции, декорирующей нож из Гебель ал-Арака (рис. 20). Пусть это не доказательство победного вторжения в долину Нила чужеземной «династической расы» [43] – хотя изобразительный орнамент изделия и отличают некоторые «неегипетские» черты²¹, – но недвусмысленный намек на превосходство «прямоугольной» ладьи в данном случае также налицо.

Явно неравностатусный параллелизм протодинастических «прямоугольных» и «серповидных» лодок, с подчеркнутым возвеличиванием первых над вторыми, в подобных художественных сценах с «заморским» акцентом выглядит как устойчивый итог некоего культурного отбора, возможно, отразившегося в египетской доисторической петроглифике. Например, относимое археологами к поздней додинастике наскальное «панно крокодилов» в Вади Магар внутри «фиванской излучины» Нила, с устьем на широте Нагады, демонстрирует звериные штандарты и лодки круто изогнутых форм с общим тяготением к «прямоугольному» профилю, в котором, однако, довольно выпукло проступают черты «серповидности» (рис. 34) [158]. Т. е., это не синхронные упрощенные аналоги ладей первобытной Восточной пустыни с их длинными прямолинейными корпусами, десятками гребцов и весел и антропоморфными гигантами-«флотоводцами» на борту, а именно позднейшие конструктивно-иконографические модификации, которые, как то удостоверяют прилагающиеся к ним, среди леса крокодилов, «царственные» штандарты быка и сокола, стали лодками архаических фараонов, запечатленными на известных культовых артефактах.

²¹ Достаточно упомянуть конструкцию ладей-победительниц и «героя со львами» на противоположной стороне рукояти. Я позволю себе не касаться обсуждения и историографии этого «спорного» вопроса: непредвзятому наблюдателю [ср. 25] здесь остается только признать очевидное.

Рис. 34. Доисторические петроглифы лодок в Вади Магар

Рис. 35. Костяной гребень с именем архаического царя Хора Джета

Так, петроглиф сокола над «полупрямоугольной» ладьей из Вади Магар – чем не прообраз резьбы на костяном гребне, содержащей «божественное имя» царя I династии Хора Джета (рис. 23, 35)? На большинстве соответствующих памятников, однако, преобладают «прямоугольные» лодки со штевнями разной кривизны, как на курильнице кустульского «царя в белой короне» (рис. 36), палетке иераконпольского «Нармера» (рис. 37), граффити тинитского Джера (рис. 38) и т. и. Штандарты или «тотемы» крокодилов, в особенности же сокола и быка, на рассмотренном панно додинастических петроглифов подсказывают, что предполагаемый поиск (выбор) канонической формы фараоновской «священной барки», в его изначальном сакральном контексте, являлся неотъемлемой составляющей «идеологической» тенденции к обожествлению древнейших царей Египта.

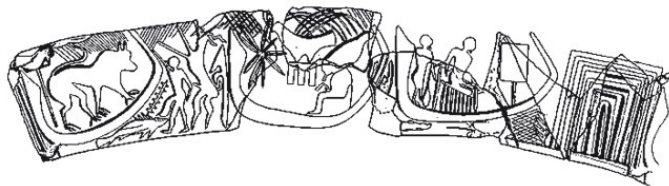

Рис. 36. Резьба на известняковой курильнице OIM 24069 (музей Восточного института Чикаго) из Кустула

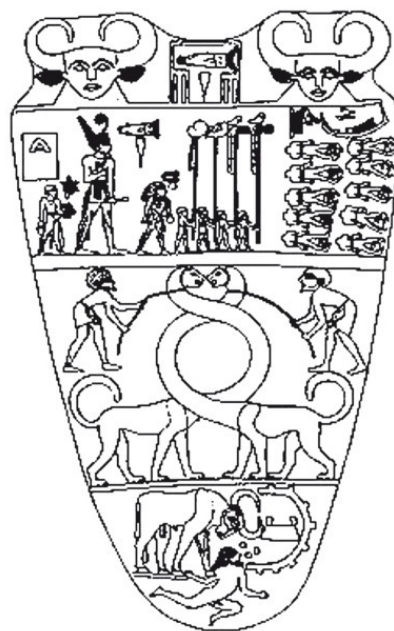

Рис. 37. Verso палетки протодинастического царя Хора «Нармера»

Рис. 38. Петроглифы архаического царя Хора Джосера в Гебель Шейх Сулейман

На быстроту, с которой «прямоугольная» лодка обновленных, «лаконичных» очертаний утвердилась (во всяком случае, художественно) в статусе царской, указывают уже резные курьелницы из «предархаических» погребений Кустула. Возможно, этот раннеисторический феномен на Ниле зафиксирован также упоминавшейся выше петроглифической композицией близ Наг ал-Хамдулаб, изображающей привилегированную группу из четырех человек, с главным персонажем в «белой короне» под опахалом, в окружении пяти больших ладей «с высокими носом и кормой» (рис. 26) [246]. Четыре ладьи там имеют практически одинаковую, замысловатую конструкцию своих весьма массивных корпусов, которые завершаются массивными же вертикальными штевнями с закругленными концами, несут две надстройки-«каюты» на манер герзейских «серповидных галер» и, продольно, похожие на перила или фальшборты ячеистые изгороди («клетчатые полосы») неясного происхождения и предназначения, не обязательные, но и не редкие в архаической лодочной иконографии [ср. 245].

У пятой ладьи, высеченной ниже остальных, корпус заметно легче, штевни тоньше, форштевень сильно заострен, «каюта» одна, а изгороди отсутствуют. Это простейшее судно, скорее всего, было изображено последним; с учетом же вердикта археологов, что вся петроглифическая сцена выполнена одним камнерезом как целостное произведение, она могла быть «мгновенным снимком» египетской предгосударственной реальности, в которой буквально на глазах складывался художественный канон фараоновской цивилизации, включая, наряду с «изобразительными формулами» культа и высочайшего церемониала, облик царских и иных «божественных» лодок. Как отмечали те же исследователи, именно нижняя ладья первой привлекает внимание зрителя, поднимающегося к скале с петроглифами Наг

ал-Хамдулаб, словно открывая ему всю картину или вводя в торжественное сопровождение «царя в белой короне» [246].

Итак, завершу гипотетическую мысль, согласно которой в Верхнем Египте на стадии перехода к государству имело место «второе пришествие» древнейшей «прямоугольной», связанной со «сверхчеловеческими» существами ладьи, что отразили петроглифика, прикладное искусство и письменность долины Нила от начального подражания многовековым амратским образцам Восточной пустыни, как в Вади ал-Фарас, до сравнительно быстрой художественной «редукции», как на панно Наг ал-Хамдулаб, а затем в архаической орнаментации и иероглифике. При этом «конструктивно» цикл, на мой взгляд, исчерпывается тремя рассмотренными ладейными типами Червичека с их предполагаемой технико-технологической «трансформацией» в период Нагада II и итоговой «фараоновской» иконографической комбинацией минимально детализированного, склонного к кривизне корпуса и высоких штевней. Впрочем, напомню, в предложенных после Винклера классификациях древнейших египетских лодок это далеко не полный «модельный ряд»; продолжу его обзор.

Лодки доисторических рисовальщиков: «многообразие типов» (окончание)

Тип 4 у Червичека [144] представляет крупная «серповидная», может быть, даже «вогнутая серповидная» ладья с надстройками бытовой или (та, где головошея животного) алтарной функции и невнятным здесь наростами на закраинах носа и кормы (рис. 39). Ее корпус своим базовым профилем, однако, идентичен большим герзейским лодкам, запечатленным на фреске из гробницы иераконпольского «вождя» (рис. 22) и в росписи керамики *D-ware* на «стадии» Нагада Пс (рис. 13). От последних, как и от ладьи типа 1, она отличается прежде всего отсутствием «бахромы» весел, но так ли принципиально это или другое внешнее расхождение в оснастке, и достаточно ли его для выделения данной лодки в особый конструктивный разряд?

Рис. 39. «Тип 4» Червичека

Пусть, например, суда с различным рангоутным и парусным вооружением подразделяются на пяти-, четырех-, трех- и двухмачтовые барки, шхуны или бриги, – их объединяет то, что все они являются кораблями дальнего *океанского* плавания, т. е. имеют корпуса соответствующих форм и габаритных пределов (главных размерений), по каковому критерию их логичнее всего свести в отдельный судовой класс. В свою очередь, двух- и одномачтовые фелюки, тартаны или тендеры, независимо от того, что на них погрузили, сколько весел придали и каких украшений добавили, останутся суденышками для ближних и каботажных *морских* перевозок, чем и будут качественно отличаться от всех прочих. Баржи мелкой осадки, плоскодонки, плоты и т. и., как их ни снаряжай и ни вырисовывай, сохраняют и неизбежно обнаружат принадлежность *речному* транспорту. Иными словами, *тип* плавсредства определяется его техническим назначением, а не деталями экипировки или изысками «дизайна», которые способны разве что отвлечь и запутать исследователя-классификатора, опирающегося на ограниченный, а то и случайный ассортимент археологических изобразительных материалов и при этом игнорирующего «судостроительную», инженерную сторону дела.

Так, к типу 4 Червичек присовокупил ладью, имеющую отчетливо выраженный почти вертикальный, немного отклоненный наружу форштевень и заворачивающийся внутрь корпуса ахтерштевень, оба с характерными «рогатыми» законцовками (рис. 40). Бросается в глаза, что это не «серповидная» и даже не «вогнутая серповидная», а принципиально другая лодка, весьма похожая на ту, которую Червичек, продолжая свою систематизацию, выделил в тип 5 (рис. 41). С поправкой на «авторские индивидуальности» или разное мастерство первобытных художников, перед нами, несомненно, одна и та же конструкция, которая чрезвычайно близка винклеровой «прямоугольной» или «вогнутой прямоугольной» и, за исключением дугообразного корпуса, в остальном демонстрирует общие черты с «иноземными» ладьями на рукоятках известных додинастических ножей (рис. 19, 20).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.